СТАТЬИ
О
ФИЛОСОФИЧЕСКИХЪ
ТОЛКАХЪ,

изъ

ЕНКИКЛОПЕДІИ.

перевелъ

Коллежской переводчикъ

Яковъ Костенскїй.

Цѣна 30. коп.

ВЪ САНКТПЕТЕРБУРГѢ,

при Императорской Академіи наукъ

1774 года.

Ч. п. 5176.

СТАТЬИ ВЪ ПОДЛИННИКѢ.

IONIQUE Secte.	ІОНИЧЕСКІЙ толкъ.
SOCRATIQUE, ou Hiſtoire de la Philoſophie de Socrate.	СОКРАТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ, или Исторїя о Философїи Сократовой.
PLATONISME, ou Philoſophie de Platon.	ПЛАТОНИСМЪ, или Философїя Платонова.
PLATONICIENS & ARISTOTELICIENS.	ПЛАТОНИКИ и АРИСТОТЕЛИКИ.
ACADEMICIENS.	АКАДЕМИКИ.
CYRENAIQUE Secte.	КИРИНАИЧЕСКІЙ толкъ.

ІОНИЧЕСКІЙ ТОЛКЪ.

(*ИСТОРІЯ О ФИЛОСОФІИ.*)

Исторія о Греческой Философіи раздѣляется на баснословную, политическую и толковую; а толковая на Іоническую и Пиѳагорическую. Ѳалитъ естъ начальникъ Іоническаго Толка, и изъ его училища произошли Философы *Іонгане*, Сократъ съ соборомъ своихъ учениковъ, Академики, Киринаики, Еристики, Перипатитики и Стоики. Сей Толкъ называется *Іоническимъ* отъ отечества основателя его, родившагося въ *Милитѣ* во *Іоніи*. Пиѳагоръ основалъ Толкъ называемый по его имени *Пиѳагорическимъ*, а отъ сего произошли Елеатическій, Ираклитическій, Епикуріанскій, и Пирроніанскій толки. Смотри въ членѣ *Греки*, *греческая*

ская Философїя, и исторїю о каждомъ изъ сихъ толковъ по ихъ именамъ.

Θалитъ родился въ Милитѣ отъ Ексамїя и Клеовулины, изъ знатнѣйшаго въ Финикїи дому Θалидовъ, въ первое лѣто придесятъ пятыя Олимпїады. Состоянїе родителей его, приложенное о воспитанїи его стараніе, природныя его дарованїя, великость духа, и безчисленныя обстоятельства благопоспѣшныя склоняли его къ правленїю общихъ дѣлъ: однако онъ жилъ уединенно; учился нѣсколько времени у Θрасивула, мужа превосходнаго разума и совершеннаго искусства. Нѣкоторые повѣствуютъ, что онъ былъ женатъ; другїе напротивъ того утверждаютъ, что жилъ въ безженствѣ, и оставилъ наслѣдство сыну сестры своея; и мнѣнїе сихъ послѣднихъ кажется справедливѣе. Когда спросили его, для чего не хочетъ заплатить естеству дани, которою каждый человѣкъ оному долженъ, оставляя по себѣ нѣсколько дѣтей себѣ подобныхъ; я не желаю имѣть дѣтей, отвѣтствовалъ онъ, по тому что я ихъ люблю; попеченїя, кои для нихъ потребны, и приключенїя, которымъ они подвержены бываютъ, дѣлаютъ жизнь многотрудною

и

и весьма скучною. Законодавецъ Солонъ, политическимъ окомъ взиравшій на разможенїе народа, не похвалилъ такого мнѣнія; а Ѳалитъ, которому не невѣдомо было о томъ, принялъ намѣреніе привлещи его ко своему мнѣнію, сколь остроумнымъ, столь и жестокимъ средствомъ. Въ нѣкоторый день отправилъ онъ къ Солону вѣстника съ объявленіемъ о смерти сына его: сей сердобольный отецъ услышавъ о томъ вдался тотчасъ въ жесточайшую печаль: тогда приходитъ къ нему Ѳалитъ, и подошедъ съ улыбающимся видомъ говоритъ: ну, почитаешь ли ты еще за весьма пріятное имѣть дѣтей? Тиранническая власть не имѣла большихъ его себѣ враговъ. Онъ думалъ, что совѣты частнаго человѣка имѣли бы болѣе важности въ обществѣ, нежели приказанія властей, и не послѣдовалъ прежде бывшимъ семи мудрецамъ, кои всѣ были первыми въ правительствѣ. Но склонность его къ естественной Философіи и прилѣжаніе къ Математическимъ наукамъ завременно отвлекли его отъ общественныхъ дѣлъ. Желаніе научиться вѣрѣ и таинствамъ ея побудило его предпріять путешествіе въ Критъ. Онъ уповалъ въ богочтеніи и мнѣніи сихъ народовъ о произхожденіи боговъ доискаться

того, что въ самыя древнѣйшія времена думали о рожденіи мїра и перемѣнахъ его. Изъ Крита переѣхалъ въ Азію. Онъ былъ у Финикіянъ, Астрономическими знаніями своими наиболѣе тогда славившихся. Въ старости своей возъимѣлъ желаніе обращаться съ Египетскими жрецами, и научилъ тѣхъ, къ коимъ ѣздилъ учиться, измѣрять вышину ихъ пирамиды посредствомъ тѣни ея и кола. Изъ сего видно сколь искусны были сіи Геометры Египетскіе. По возвращеніи его изъ путешествій, вельможи, коихъ любопытство и самолюбіе привлекаетъ всегда къ Философамъ, старались снискать его дружбу: но онъ ученіе, уединеніе, и спокойствіе предпочелъ всѣмъ тѣмъ выгодамъ, которыя могъ бы получить отъ обхожденія съ ними. Объ немъ то повѣствуется въ старой и смѣшной баснѣ о нѣкоемъ Астрономѣ, который смотря на звѣзды не видитъ предъ ногами своими ямы. Хорошо ль или худо сія басня вымышлена, но нравоученіе ея должно было распространить въ разсужденіи великихъ человѣческихъ намѣреній, и краткости его жизни; онъ простираетъ мысли свои впредь, а имѣетъ предъ собою гробъ отверстъ. Ѳалитъ достигъ девятидесяти лѣтъ возраста своего.

своего. На послѣдокъ вмѣшавшись неосторожно въ толпу людей собравшихся на Олимпїйскія игры, умеръ піамъ отъ жара и жажды. Повѣствуютъ, что онъ желая доказать согражданамъ своимъ, сколь не трудно Философу разбогатѣть, откупилъ въ Милитѣ и Хіо всѣ плоды масличныхъ деревъ, предвидя по знанію, изъ Астрономіи почерпнутому, изобильный урожай ихъ. Онъ былъ не только Философъ, но и стихотворецъ. Нѣкоторые приписываютъ ему сочиненія о свойствѣ вещей, о мореплавательной Астрономіи, и о точкахъ поворота солнца и равноденствія. Но утверждающіе, что Θалитъ не оставилъ ни какого сочиненія, кажется справедливо думаютъ. Не должно смѣшивать Философа Милитскаго съ законодавцемъ и стихотворцемъ Критскимъ. Онъ имѣлъ у себя ученикомъ Анаксамандра.

Многія обстоятельства дѣлаютъ исторію о Іоническомъ толкѣ неудобной къ послѣдованію. Малое число книгъ и учениковъ, тайна, страхъ посмѣянія, народное презрѣніе, трепетъ суевѣрія, сумнительное ученіе, высокоуміе оставляющее другихъ въ невѣжествѣ, всеобщая склонность къ нравоученію; отвра-

вращенїе умовъ отъ ученїя естественнымъ наукамъ; важность Сократа отринувшаго оныя, неисправность Платонова, который преображая все на свое мнѣнїе, все портилъ; краткость и невѣрность Аристотелева, который отвергаетъ, отмѣняетъ и сокращаетъ все то, за что ни принимается; перемѣна временъ повреждающихъ мнѣнїя и недопускающихъ достигнуть въ цѣлости до тѣхъ превосходныхъ умовъ, которые могли бы ихъ вѣрно истолковать, естьли бы вскорѣ въ свѣтъ вышли; наглость въ ограбленїи современныхъ заграждающая сколько можно источникъ изобрѣтенїя; и другїя причины. Послѣ всего сего, какъ можно намъ утвердиться на томъ, что объявимъ о ученїи Оалитовомъ?

О началѣ вещей: Вода есть начало всего; все изъ нея родится, и все въ оную превращается.

Мїръ есть только одинъ; онъ есть твореніе божїе: по тому онъ пресовершенъ.

Богъ есть душа мїра.

Мїръ, сколь ни обширная вещь, находится на мѣстѣ.

Пустаго мѣста нѣтъ.

Все подлежитъ перемѣнѣ, и состоянїе вещей есть минутное.

Вещество раздѣляется непрерывно; но раздѣленїе сїе имѣетъ свои предѣлы.

Ночь первѣе получила свое бытїе.

Смѣсь раждается изъ состава стихїй.

Звѣзды имѣютъ свойство земли, но суть возженны.

Луна освѣщается отъ солнца.

Стоянїе Луны между солнцемъ дѣлаетъ у насъ затмѣнїе.

Земля есть только одна; она находится въ срединѣ мїра.

Еѳезїйскїе вѣтры дующїе противъ теченїя Нила удерживаютъ его, и причиняютъ наводненїе.

О духотныхъ вещахъ: Единъ есть знатнѣйшїй богъ, весьма древнїй; онъ не имѣлъ начала, и не будетъ имѣть конца.

Сей богъ есть непостижимъ, нѣтъ ничего предъ нимъ сокровеннаго; онъ видитъ во глубинѣ нашихъ сердецъ.

Есть демоны или духи и ирои.

Ирои суть наши души разлученныя отъ нашихъ тѣлъ. Они суть добрые,

естьли души были добры; злые, естьли души были злы.

Душа человѣческая безпрестанно и сама собою движется.

Бездушныя вещи, суть не безъ чувствованія и не безъ души.

Душа есть безсмертная.

Нужда управляетъ все.

Нужда есть непоколебимая сила и непреклонная воля провидѣнія.

Землемѣріе Фалитово: Оное заключается въ нѣкоторыхъ начальныхъ правилахъ, о линѣяхъ, углахъ, и треугольникахъ; а Астрономія его состоитъ въ нѣкоторыхъ наблюденіяхъ о восхожденіи и захожденіи звѣздъ, и о другихъ явленіяхъ небесныхъ.

Но должно примѣчать къ чести сего Философа, что естественная Философія тогда токмо имѣла свое начало, и первое свое распространеніе отъ него получила.

Что касается до его нравственныхъ правилъ, то Димитрій Фалирійскій оставилъ намъ слѣдующее: надлежитъ вспоминать о своемъ другѣ, когда онъ въ отсутствіи. О душѣ должно имѣть попеченіе, а не о тѣлѣ. Оказывать почтеніе

чтеніе своимъ родителямъ, какое требуется отъ дѣтей. Неумѣренность во всякой вещи есть вредна. Невѣжа есть несносенъ. Учить другихъ тому, что самъ лучше знаешь. Во всемъ есть средина. Не имѣть довѣренности ко всякому безъ разбору.

Вопрошенъ, какъ добродѣтельно жить, отвѣтствовалъ, не дѣлай того, что порицалъ бы ты въ другомъ. Ты будешь щастливъ, естьли ты здоровъ, богатъ и благороденъ. Трудно знать самого себя; но сіе необходимо нужно. безъ сего какъ можно будетъ соображать свои поступки законамъ естества?

Анаксимандръ послѣдовалъ Ѳалиту. Онъ родился въ Милитѣ въ сорокъ второй Олимпіадѣ. Всю свою жизнь провелъ въ училищѣ. О времени смерти его не извѣстно. Думаютъ, что онъ жилъ семдесять четыре года.

Онъ почитается распространившимъ Маѳиматическія науки гораздо далѣе того состоянія, въ которомъ Ѳалитъ ихъ оставилъ. Онъ измѣрилъ Діаметръ земли, и окружность моря, изобрѣлъ Гномонъ. Опредѣлилъ точки равноденствія и поворота солнца. Сдѣлалъ шаръ,

и имѣлъ свою Фисїологїю (изслѣдованїе естественныхъ вещей).

По мнѣнїю его начало вещей было неопредѣленное, не числомъ, но великостїю; непремѣнное въ цѣломъ, перемѣняемое въ частяхъ; все изъ онаго проистекало, и все въ него превращалося.

Небо есть составъ стужи и жара.

Безчисленное множество есть мїровъ, которые раждаются, разрушаются, и возвращаются паки въ неизвѣстность.

Звѣзды суть вмѣстилище огня, который они пожираютъ и испущаютъ изъ себя: они суть круглы, въ движенїи своемъ бываютъ влекомы обращенїемъ сферъ.

Планеты суть боги.

Солнце есть на высочайшемъ мѣстѣ, а луна на нижшемъ; послѣ луны суть звѣзды неподвижныя и блудяцїя.

Кругъ солнца въ двадцать восемъ кратъ больше земнаго шара; онъ изливаетъ огнь на вселенную, какъ пыль разсыпается съ верьху колеса внутрѣ пуспаго и проверченнаго, обращающагося на самомъ себѣ съ великою скоростїю.

Кругъ луны въ сравненїи съ земнымъ шаромъ есть какъ 1 въ сравненїи съ 19.

Ана-

Анаксимандръ приписываетъ запимѣнія засоренію отверстій въ тѣхъ норахъ, сквозь которыя свѣтъ проходитъ.

Вѣтръ есть движеніе воздуха; молніи и громъ бываютъ отъ стѣсненія воздуха въ облакѣ, и отъ разорванія облака.

Земля есть по срединѣ; она есть круглая; ни что ее не поддерживаетъ; она держится равнымъ своимъ разстояніемъ отъ всѣхъ тѣлъ.

Мїробытїе по мнѣнїю Анаксимандра. Безначалїе произвело круги и мїры: всегдашняя перемѣна есть причина рожденія и разрушенія; земля есть Цилиндръ, котораго высота есть только треть дїаметра: Атмосфера частицъ холодныхъ и теплыхъ составила во кругъ земли покровъ здѣлавшїй ее плодоносною. По разорванїи сего покрова произошли изъ частей его солнце, луна, звѣзды и свѣтъ.

Что касается до животныхъ, они всѣ, по его мнѣнїю, начало свое имѣютъ отъ воды. Сперьва бываютъ окружены остьми, потомъ высыхаютъ, а наконецъ умираютъ: человѣка же почитаетъ родившимся въ рыбьемъ тѣлѣ.

Анакси-

Анаксименъ ученикъ Анаксимандровъ и одноземецъ его родился между пятьдесятъ пятою и пятьдесятъ осьмою Олимпіадою. Онъ подражалъ мнѣніямъ своего учителя, прибавляя къ онымъ и перемѣняя то, что почиталъ за потребное.

Онъ утверждаетъ, что воздухъ есть начало и конецъ всѣхъ существъ: что есть вѣченъ и всегда движущійся: что есть божество: и что безконеченъ. Суть и другіе боги подчиненные, всѣ равно чада воздуха: великая часть сея стихіи не видима нашимъ очамъ: но она изъявляетъ себя стужею и жаромъ, влажностію и движеніемъ: она сгущается и дѣлается жидкою, и никогда не имѣетъ одного вида.

Воздухъ здѣлавшійся тонкимъ въ высочайшемъ степени есть огонь; въ среднемъ атмосфера; въ нижнемъ вода; огустѣвшій есть земля, чрезвычайной затвердѣвшій; камни и пр:

Стужа и жаръ суть производительныя причины рожденія, и орудія разрушенія.

Внѣшняя поверхность неба, есть земляная.

Земля

Земля есть пространная плоская поверхность держащаяся на воздухѣ: луна, солнце, и всѣ звѣзды суть таковы же.

Земля дала бытіе звѣздамъ своими парами, которые сдѣлавшися тонкими загорѣлися.

Пары разжидившіеся, зажегшіеся, и поднявшіеся въ верхъ на знатное разстоянїе, составили звѣзды.

Планеты обращаются около земли, но не опущаются въ низъ: когда у насъ солнце не видно бываетъ, то сіе дѣлается отъ того, что возвышенныя страны закрываютъ оное, или что оно удаляется на весьма великое разстоянїе.

Огустѣвшій воздухъ движетъ растѣнія и питаетъ оныя.

Солнце есть горящій листъ.

Затмѣнія въ Анаксименовой системѣ бываютъ такъ же какъ и въ Анаксимандровой.

Изъ нравоученія его остались нѣкоторыя только его мнѣнія испорченныя, о старости, роскоши, ученіи, богатствѣ, и нищетѣ, которыя всѣ, какъ кажется, дознался онъ собственнымъ своимъ опытомъ. Онъ женился, былъ убогъ, имѣлъ

имѣлъ дѣтей, пришелъ еще въ большую нищету, соспарѣлся, и позналъ все то, чему нищета, сія жестокая учипельница, людей обыкновенно научаетъ.

Анаксагоръ учился у Анаксимена; онъ родился въ городѣ Ласоменѣ въ семидесятой Олимпіадѣ. Еввулъ отецъ его вѣдомъ по своимъ богатствамъ, а еще болѣе по своему сребролюбію. Но сынъ его не весьма почиталъ оныя: пренебрегъ богатство оставленное ему отъ отца, путешествовалъ во многія мѣста, и по возвращеніи своемъ, взирая съ великимъ равнодушіемъ на разореніе въ своихъ деревняхъ приключившееся отъ его отсутствія, сказалъ: *non essem ego salvus, nisi istæ perissent. Я бы не былъ спасенъ, естли бы сіи не погибли.* Онъ не искалъ ни одного изъ тѣхъ чиновъ, къ которымъ благородство его назначало. И упрекавшему ему въ томъ, что онъ отечество свое презиралъ, отвѣтствовалъ: се мое отечество! указывая рукою на небо, оно для меня есть все. Онъ пріѣхалъ въ Аѳины на двадесятомъ году своего возраста; не было тогда еще, собственно говоря, философическихъ училищъ. Едва провѣдалъ онъ про Анаксимена, топчасъ въ восторгѣ вскричалъ: чувствую, что я

рожденъ

рожденъ разсуждать о лунѣ, небѣ, солнцѣ, и звѣздахъ. Успѣхи его были не менѣе его надежды; онъ возвратился въ свое отечество, дабы предлагать вопросы Ирмотиму; въ первой разъ ѣздилъ онъ въ Аѳины учиться; а въ другой пріѣхалъ туда учить; учениками у него были Периклъ, Еврипидъ трагикъ, такъ же Сократъ и Ѳемистоклъ.

Но зависть не дозволила ему долгое время наслаждаться покоемъ; онъ оклеветанъ въ нечестіи, что утверждалъ солнце быти горящую доску; посаженъ въ темницу, и былъ бы осужденъ на смерть, естьли бы краснорѣчіе и сила Периклова не спасли его отъ жестокости жрецовъ. Слово произнесенное имъ при сихъ печальныхъ обстоятельствахъ изъявляетъ твердость его души. Какъ ему объявили, что хотѣли его осудить на смерть съ его дѣтьми, то онъ отвѣтствовалъ: „давно уже естество изрекло сей приговоръ объ нихъ и о мнѣ: я не невѣдалъ, „что есмь смертенъ, и что мои дѣти „рождены отъ меня.

Онъ выѣхалъ изъ Аѳинъ по тридесятилѣтнемъ своемъ въ семъ городѣ пребываніи: оттуда отправился въ Лампсакъ

для

для препровожденія остальныхъ жизни своея дней, и тамъ уморилъ себя голодомъ.

Философія Анаксагора: Ни что не бываетъ изъ ничего.

Въ первоначаліи было все, но безпорядочно и безъ движенія.

Одно есть начало всѣхъ вещей; но раздѣленное на безчисленныя частицы единообразныя, смѣжныя, сопротивныя, другъ друга касающіяся, и содержащіяся одни внѣ другихъ.

Частицы единообразныя вещества будучи безъ движенія и безъ жизни прежде всѣхъ вѣковъ имѣли начало неопредѣленное, разумное, безплотное, не составленное, движущееся само собою, и причиняющее движеніе во всемъ прочемъ.

Оно произвело все съ частицами единообразными вещества, соединяя однородныя съ однородными.

Вышнія страны міра наполнены огнемъ или воздухомъ тончайшимъ, движущимся съ превеликою скоростію, и имѣющимъ божественное естество.

Сей огонь похитилъ комы оторгнутыя отъ земли, и унесъ оные быст-

быстрымъ своимъ теченїемъ туда, гдѣ они составляютъ звѣзды.

Симъ способомъ управляются обращенїя оныхъ отъ одного полюса къ другому; солнце усугубляетъ еще свою силу дѣйствїемъ своимъ и спѣсненїемъ.

Солнце есть горящїй комъ гораздо больше Пелопонниса, и онаго движенїю единственною причиною есть движенїе звѣздъ.

Луна и солнце находятся ниже звѣздъ; великое разстоянїе мѣшаетъ намъ чувствовать жаръ звѣздъ.

Луна есть тѣло темное освѣщаемое отъ солнца; она подобна землѣ; имѣетъ свои горы, долины, воды, и можетъ быть и жителей.

Млечной путь есть дѣйствїе солнечнаго свѣта назадъ отдающагося, который дѣлается примѣтнымъ по причинѣ отсутствїя всѣхъ планетъ.

Кометы суть блудящїя звѣзды показывающїяся многїя вмѣстѣ по случайному стеченїю, которое ихъ соединяетъ; свѣтъ ихъ есть общее дѣйствїе ихъ соединенїя.

Солнце, луна, и другїя планеты не суть ни божескїе умы, ни такїя суще-

ства

ства, которымъ бы надлежало поклаяпься.

Земля есть плоская; море составленное изъ разжидившихся отъ солнца паровъ, держится на поверхности оныя.

Шаръ мїра сперва былъ прямъ; потомъ наклонился.

Пустаго мѣста нѣтъ.

Животныя родившїяся отъ теплоты и влажности вышли изъ земли мужескъ полъ и женскъ.

Душа есть начало движенїя; она есть воздушная.

Сонъ есть склонность тѣлесная, а не душевная.

Смерть есть разрушенїе какъ тѣла, такъ и души.

Дѣйствїе солнца разжижая или отончая воздухъ причиняетъ вѣтры.

Когда скорое обращенїе земли препятствуетъ свободному выходу вѣтровъ спершихся въ ямахъ земли, тогда бываетъ отъ того землетрясенїе.

Когда облако стоитъ прямо противъ солнца такъ, какъ зеркало, и когда свѣтъ его встрѣчается съ онымъ, и

на

на немъ останавливается, тогда бываетъ на небѣ дуга.

Когда земля раздѣляетъ луну отъ солнца, тогда бываетъ затмѣніе луны; тоже самое случается съ солнцемъ, когда луна находится между землею, и между сею планетою.

Я ни мало не понимаю толкованія его о поворотахъ солнца и о частыхъ возвратахъ луны; въ толкованіи объ одномъ изъ сихъ явленій небесныхъ употребляетъ онъ движеніе или паче отдаленіе луны и солнца, а въ изъясненіи другаго недостаткъ теплоты.

Когда жаръ приближается къ облакамъ, которыя суть холодны; то сія встрѣча причиняетъ громы и молніи: громовой ударъ есть сгущеніе огня.

Діогенъ Аполлоніатъ былъ ученикъ Анаксименовъ, и соученикъ Анаксагоровъ. Онъ былъ Вѣтія и Философъ. Правила его ученія весьма сходны съ правилами его учителя.

Ни что не дѣлается изъ ничего; ни что не портится, или *ничего* нѣтъ; воздухъ есть начало всего; божествен-

ный

ный разумъ движетъ его и одушевляетъ; онъ всегда въ дѣйствіи; онъ сгущаяся безчисленные производитъ мiры; земля есть шаръ продолговатый; она находится въ самой срединѣ; окружающая ее стужа утверждаетъ ея стояніе; стужа сдѣлала первую ея твердость.; шаръ былъ прямъ, но послѣ произведенія животныхъ наклонился; звѣзды суть изшедшіе пары изъ земли; душа имѣетъ свое мѣсто въ сердцѣ; звукъ есть отзывка воздуха, содержащагося въ головѣ и ударяемаго; животныя раждаются теплыя, но бездушныя; скотъ имѣетъ нѣкоторую часть воздуха и разума; но воздухъ тотъ смѣшанъ съ влажностiю, а разумъ ограниченъ; когда кровь и воздухъ стремятся къ чревеснымъ мѣстамъ, тогда находитъ сонъ; когда же кровь и воздухъ выходятъ вонъ, тогда слѣдуетъ смерть.

Архелай Милитiйскiй вступилъ на мѣсто Анаксагора: послѣ его фисическое ученiе въ Аѳинахъ пресѣклось; суевѣрiе представило оное опаснымъ, а наука Сократова привела въ презрѣнiе: Архелай началъ словопрѣнiе о законахъ, о честности, и о справедливости.

По мнѣнію его воздухъ и безначалїе суть два начала вещей; а раздѣленїе стужи и жара, причина движенїя; жаръ есть въ дѣйствїи, стужа въ покоѣ; распространяющая стужа производитъ воду; спящая жаромъ дѣлаетъ землю; жаръ подымается въ верьхъ, а земля остается; звѣзды суть загорѣвшїяся земли; солнце есть болѣе всѣхъ тѣлъ небесныхъ; по солнцѣ луна; великость прочихъ есть премѣнна; небо распростертое надъ землею освѣщаетъ ее и сушитъ; земля съ начала была болотиста; она кругла на поверхности, и пуста въ срединѣ; кругла по тому, что солнце не въ одно время восходитъ и заходитъ во всѣхъ ея странахъ; жаръ и гной произвели всѣхъ животныхъ не выключая и человѣка; они равно суть одушевленны; землетрясенїй причиною бываютъ вѣтры, стремящїеся въ ямы наполненныя уже оными; голосъ есть воздухъ ударяемый; нѣтъ ничего ни справедливаго; ни несправедливаго, ни благопристойнаго, ни неблагопристойнаго въ себѣ самомъ; законъ только одинъ дѣлаетъ сїе различїе.

Вотъ все то, что намъ предала древность о *Іоническомъ толкѣ*, который пресѣкся на Сократѣ, а возобновился

вился не прежде Гвиллельма беригарда, родившагося въ Мулинѣ 1598 года.

Беригардъ обучался съ начала Греческому и Латинскому языку, такъ же математическимъ наукамъ; по весьма долгомъ пребываніи въ Парижѣ позванъ въ Пизу. Онъ принятъ лѣкаремъ къ Екатеринѣ Лоррень, супругѣ великаго Герцога Тосканскаго; а сіе доказываетъ, что онъ по видимому учился и врачебному искуству; Екатерина исходатайствовала ему покровительство господъ Медицисъ; онъ обучалъ Математикѣ и Ботаникѣ; Венеціане призвали его учителемъ въ Падуу, на что онъ согласился, былъ тамъ даже до смерти послѣдовавшей въ 1663 году. Сочиненіе его, названное *Curſus Piſani*, славно и полезно; онъ началъ философствовать въ такое время, когда потрясенный *Перипатитисмъ* терялъ нѣсколько своей довѣренности, въ противность опредѣленіямъ ученыхъ людей прилѣпившихся къ старому своему Идолу. Хотя онъ жилъ въ такой землѣ, гдѣ не льзя быть довольно осторожнымъ, и хотя предъ глазами своими имѣлъ примѣръ Галилеа, посаженнаго въ темницу за то, что доказалъ движеніе земли и неподвиж-

носпь

ность солнца; однако осмѣлился предлагать, что столь же мало должно философамъ смотрѣть на то, что богословы думали о естественныхъ наукахъ, сколь мало надлежитъ принимать въ разсужденіе богословамъ то, что философы успѣли въ божественномъ ученіи. Какихъ успѣховъ подъ предводительствомъ сего рѣдкаго мужа не могли бы науки получить, естьли бы предался было онъ всей силѣ своея природы! Но ему должно было почитать застарѣлыя народныя мнѣнія, съ покровителями осторожно поступать, непріятелей бояться, завистниковъ укрощать, на мнѣнія любимой Философіи скрытно нападать, суевѣріе обманывать, сопротивныхъ перехитрить; словомъ, всѣ, какія только можно вздумать, препятствія преодолѣть. Онъ все то привелъ къ желаемому концу; опровергнулъ Аристотеля, изъяснивъ все нечестіе его ученія, сразился съ нимъ открывъ опасныя слѣдствія, въ которыя вовлекли его правила Кампанеллу и великое множество другихъ. При семъ случаѣ съ отважностію открылъ онъ нѣкоторыя мнѣнія о лучшемъ образѣ философствованія; и мало по малу возобновилъ паки *Іонисмъ*.

Не смотря на всѣ его осторожности не могъ онъ избѣжать поношенія; на него клеветали, аки бы онъ нечестивъ, и самой безбожникъ; но по щастію его онъ уже въ живыхъ не былъ. Мы всегда признавать будемъ, что сочиненія его, написанныя разговорами, въ которыхъ представляетъ себя подъ именемъ *Аристѳія*, требуютъ ученаго и осторожнаго читателя.

СОКРАТИЧЕСКАЯ ФИЛОСОФІЯ,

или

ИСТОРІЯ О ФИЛОСОФІИ СОКРАТОВОЙ.

Системы мїра и знаменія естественныя даже до Сократа были предлогомъ разсужденій Философовъ. Они не брегли о нравственномъ ученіи, почитая основанія онаго довольно извѣстными, и думая, что хранить различеніе блага и зла, о которомъ умалчиваетъ совѣсть, не полезно есть.

Вся ихъ премудрость заключалася въ нѣкоторыхъ мнѣніяхъ, которыя они изъ ежедневнаго искуства почерпнувъ, при случаѣ разглашали. Первый Архелай въ училищѣ своемъ началъ прѣніе о нравахъ; однако образъ ученія его былъ неоснователенъ и наставленія его не имѣли успѣха. Сократъ, ученикъ его, родив-

шись съ великою душею, высокимъ разсужденіемъ и разумомъ стремящимся къ испытанію важныхъ, главнѣйшихъ и общеполезныхъ вещей, усмотрѣлъ, что надлежитъ стараться сдѣлать людей прежде добрыми, нежели разумными; что имѣя очи возведенныя къ звѣздамъ, не вѣдаютъ у ногъ своихъ дѣлающагося; что чемъ больше прилѣпляются къ небу, тѣмъ болѣе устраняются отъ собственнаго своего жилища; что хотя разумъ и просвѣщается, но воля оставляется безъ исправленія; что время тратится въ негодныхъ созерцаніяхъ; что человѣкъ состарѣвается не помысливъ о истинномъ блаженствѣ жизни; и низвелъ на землю въ солнечныхъ кругахъ заблуждавшуюся философію. Онъ училъ о душѣ, страстяхъ, порокахъ, добродѣтеляхъ, красотѣ и гнусности нравовъ; о обществѣ, и о другихъ предметахъ непосредственный союзъ съ дѣйствіями нашими и благополучіемъ нашимъ имѣющихъ. Показалъ чрезвычайную вольность въ мысляхъ своихъ; ни какій прибытокъ и ни какій страхъ не могъ заградить истинны во устахъ его. Одному токмо искуству, наблюденію, и закону честности внималъ, и заслужилъ между предварившими его *преподходнаго Философа* имя,

котораго и его преемники не отняли у него. Извлекъ предковъ нашихъ изъ тьмы и мрака, и сдѣлалъ ихъ гражданами и государственными людьми. Сіе предпріятіе между сонмищами пекущихся о продолженіи пороковъ, невѣжества и предувѣреній, не безбѣдственно въ дѣйство произведено быть могло. Сократъ не невѣдалъ о томъ; но что устрашить могло того, который не возлагалъ упованія своего на міръ сей, и почиталъ жизнь невыгоднымъ мѣстомъ, содержавшимъ его въ плѣну далече отъ истиннаго отечества его?

Ксенофонтъ и Платонъ ученики, други, свидѣтели и подражатели добродѣтелей Сократовыхъ написали Исторію о немъ. Ксенофонтъ сочиняя оную соблюлъ свойственную себѣ искренность и простосердечіе; а Платонъ употребилъ больше пышности и не столь тщательно придержался истинны. Въ нѣкоторый день Сократъ выслушавъ одну говоренную Платономъ рѣчь; оная была упованіе *облегченіе болѣзни*: о боги, возопилъ, добродѣтельный мужъ, сколь изрядныя лжи молодымъ человѣкомъ сказываны о мнѣ!

Ари-

Аристоксенъ, Димитрій Фалерейскій, Панекій, Калисѳенъ и другіе упражнялися также въ описаніи дѣлъ, разговоровъ, нравовъ, свойства и житія сего Философа; но мы ихъ сочиненій не имѣемъ.

Аѳинейскій Сократъ родился въ селѣ Алопѣ, въ четвертое лѣто семдесятъ седмыя Олимпіады, въ шестый день * Ѳаргиліона не однократно потомъ благополучными произшествіями прославленный, котораго однако ничто паче его рожденія не сдѣлало достопамятнѣе--. Отецъ его Софронискъ былъ рѣзщикомъ, а мать Финарета повивальною бабкою. Софро-

---

(*) *Ѳаргиліонъ* мѣсяцъ Аттическій симъ именемъ называвшійся потому, что въ семъ мѣсяцѣ отправляемы были солнцу праздники, нарицаемые *Ѳаргиліи*. Самое солнце называли *Θαργηλιος*, какъ бы сказать, *Θερων γην ἡλιος*, солнце согрѣвающее землю. Сосудъ, въ которомъ варили первые плоды сему Богу въ жертву приносимые, назывался *Θαργηλος*. Мѣсяцъ *Ѳаргиліонъ* по мнѣнію О Петто, былъ тотъ же что Апрѣль; онъ въ Аѳинейскомъ году былъ одиннадцатый, и содержалъ въ себѣ тридцать дней.

Софронискъ примѣтившій потчасъ, что боги даровали ему не простаго отрока, пошелъ вопросити ихъ о воспитанїи онаго: не рукодѣлїю, божескій отвѣтъ связалъ ему, но Юпитеру и музамъ посвятити его. Добрый старикъ позабывъ божескій совѣтъ научилъ сына рѣзному своему ремеслу. Сократъ по кончинѣ отца своего убѣждаемъ скудостїю принужденъ былъ опрекшися природныя склонности упражняться въ такомъ рукодѣлїи, къ которому ни малой не чувствовалъ въ себѣ способности; часто онъ углубившися въ размышленїяхъ роняль изъ рукъ рѣзецъ, и облокотясь на камень препровождалъ цѣлый день въ такомъ состоянїи.

Критонъ богатый человѣкъ и Философъ тронутъ будучи природными его дарованїями, простосердечїемъ и бѣдностїю принялъ его въ свою дружбу, снабдилъ всѣми нужными къ житїю вещами, сыскалъ для него учителей, и ввѣрилъ ему воспитанїе своихъ дѣтей.

Сократъ учился у Анаксагора, потомъ у Архелая, который его очень любилъ; музикѣ обучался у Дамона, бѣглостїйству у Софиста Продика, стихотвор-

творству у Евена, землемѣрію у Ѳеодора, и сдѣлался совершеннымъ отъ обхожденія съ двумя женщинами Діотимою и Аспасіею, которыхъ достоинство у народа, въ древнее время вѣжливѣйшаго и въ своемъ вѣкѣ препрославленнаго и просвѣщеннѣйшаго, и посредѣ премудрѣйшихъ людей отлично было. Онъ не ѣздилъ въ чужіе краи.

Онъ не думалъ, чтобы имя Философа уволняло его отъ многотрудныхъ гражданина званій. Оставилъ своихъ друговъ, уединеніе, и книги для принятія оружія, и три года служилъ на жестокой противу Лакедемонянъ Аѳинейской брани. Былъ съ Алкивіадомъ при осадѣ Потидеи, гдѣ; по свидѣтельству сего полководца, ни кто болѣе его не показалъ ни веселости, ни перпѣнія въ снесеніи трудовъ, глада и жажды. По льду ходилъ босыми ногами, бросался въ средину непріятелей, и прикрылъ убѣжище Алкивіадово, который будучи раненъ погиблъ бы на сраженіи. И не довольствуясь тѣмъ, что спасъ жизнь своего друга, приложилъ еще стараніе о томъ, что бъ опредѣленная ему храбрости почесть, воздана была оному. Въ семъ походѣ многократно случалося ему прово-

проводить цѣлые два дни неподвижно на своемъ мѣстѣ, и углубленнымъ въ размышленіи. Аѳиняне при осадѣ Деліи были нещастливы. Ксенофонтъ низверженный съ своей лошади потерялъ бы тамъ жизнь, еслиби Сократъ сражавшійся пѣшъ не поднялъ его на свои плечи, и не унесъ отъ непріятельскаго пораженія. Онъ шелъ съ симъ бременемъ не какъ убѣгающій человѣкъ, но какъ считающій свои шаги и мѣряющій землю. Имѣя обращенное лице къ непріятелю столько являлъ неустрашимости, что ни кто не дерзнулъ ни напасть на него, ниже гнаться за нимъ. Поувѣщанію своего духа, или по тайному нѣкоему предчувствованію своего благоразумія спасъ онъ при другомъ случаѣ Алкивіада и Лоха отъ такія напасти, которыя слѣдствія для многихъ были пагубными. Съ неменьшею же славою дѣйствовалъ онъ и при осадѣ Амфиполя.

Поврежденіе овладѣло всѣми частьми правленія общихъ дѣлъ; Аѳиняне стонали подъ мучительскою властію; Сократъ видѣлъ, что не льзя ему вступить въ правительство не подвергнувъ себя наибольшей опасности, не сдѣлавъ при томъ ника-

никакой пользы; однако надлежало сопротивленіемъ своимъ жертвовать желанію своего колѣна, и явиться въ сенатъ. Онъ былъ тогда гораздо уже немолодыхъ лѣтъ, и принесъ въ новое сіе достоинство обыкновенную свою справедливость и постоянство. Тираны не воспятили ему оныхъ; онъ не переставалъ укорять утѣсненій ихъ и злодѣяній, смѣялся надъ ихъ властію; и естьли когда должно было подписывать учиненный ими противу неповиннаго приговоръ, то говорилъ: *я не умѣю писать.*

Не меньше чуденъ онъ былъ и въ частномъ своемъ житіи; ни когда не бывало человѣка презвѣйшаго ни цѣломудреннѣйшаго: ни лѣтніе жары, ни жестокіе зимніе морозы не пресѣкали упражненій его. Не начиналъ своей работы не призвавъ прежде въ помощь вышняго. Не ненавидѣлъ и самыхъ своихъ враговъ. Всегда былъ къ услугамъ готовъ, не останавливался при одномъ добрѣ, но во всемъ искалъ лучшаго. Во всѣхъ обстоятельствахъ и дѣлахъ имѣлъ разумъ паче прочихъ постоянный и здравый. Ни чего въ его поступкахъ не было такого, о чемъ бы не могъ и не восхотѣлъ дать отвѣтъ. Недремлющимъ окомъ взиралъ

на своихъ друговъ; и по елику они были ему любезны, исправлялъ ихъ, поощрялъ къ добродѣтели своимъ примѣромъ и разговорами; и во всю свою жизнь представлялъ въ своей особѣ образъ человѣка пресовершеннаго и преблаженнаго. Естли бы мы совершеннѣе знать могли, въ какомъ упражненіи провождалъ онъ свое время, спаться можетъ, что лучше всѣхъ разсужденій доказало бы намъ то, что ради снисканія благополучія въ свѣтѣ семъ нѣтъ надежнѣйшаго для насъ средства, какъ упражненіе въ добродѣтели; важное положеніе всю нравственную науку въ себѣ заключающее, и которое не было еще доказано.

Аѳиняне желая населить паки мѣста, моровою язвою опустошенныя, дозволили гражданамъ брать по двѣ жены; Сократъ присовокупилъ другую, сжалясь надъ ея бѣдностію, къ той, которую избралъ прежде по своей склонности. Первая его жена была дщерь Аристидова, именемъ Мирта, а другая рожденная отъ незнатнаго мѣщанина называлася Ксантиппа. Своенравіе сея послѣдніе подало ея супругу довольно случаевъ къ упражненію въ Философіи. Когда я на ней женился, говорилъ Сократъ Анти-

Антисѳену, что зналъ, что не будетъ никакого человѣка, съ которымъ бы я не могъ ужиться, буде возмогу терпѣливо сносить ее; я желалъ имѣть у себя въ домѣ кого нибудь такого, кто бы непрестанно напоминалъ мнѣ то снисходительство, коимъ долженъ я всякому человѣку, и кое взаимно потребно для меня: и Лампсаку своему сыну: ты жалуешся на свою мать. Вспомни, что она тебя зачала, во чревѣ носила, млекомъ пипала, попеченіе о тебѣ имѣла, кормила, наставляла, воспитала. Какимъ опасностямъ не подвергалъ ты ее? Колико досады, печалей, болѣзней и трудовъ тебя ради претерпѣла она? . . . Правда, что она сдѣлала и понесла можетъ быть еще и болѣе того, что вы сказываете; но она столь свирѣпа, столь люта . . . Что изъ двоихъ, сыне мой, показывается тебѣ несноснѣе, свирѣпость ли звѣрская, или свирѣпость матери? . . . Свирѣпость матери . . . Матери! Но твоя била ли тебя, кусала ли, терзалаль! Претерпѣлъ ли ты отъ нея что нибудь такое, что свирѣпые звѣри весьма часто причиняютъ людямъ? . . . Нѣтъ; но она говоритъ такія рѣчи, которыхъ не можно бы ни отъ кого снести, хотя бъ чрезъ то

то и самая жизнь подвержена была опасности . . . Я въ томъ съ тобою согласенъ; однако разсуди, коль много сносила она тебѣ, и есть ли кто ни будь въ свѣтѣ таковъ, кто бы простилъ тебѣ всѣ сказанныя тобою худыя рѣчи, всѣ сдѣланныя тобою худыя, смѣшныя или глупыя дѣла, и все то, что долженствовала она терпѣть отъ тебя денно и нощно и на всякій часъ отъ самаго рожденія даже до настоящаго твоего возраста? Кто столько прилагалъ стараніе о тебѣ въ немощахъ твоихъ, какъ она? Кто паче ея страшился, дабы не прекратилися дни твои? А хотя случается, что мать злословитъ тебя: но сама же она не хощетъ рѣчамъ своимъ быти дѣйствительнымъ; и въ самомъ гнѣвѣ ея ты обладаешь ея сердцемъ: она желаетъ тебѣ добра. Сыне мой, несправедливъ ты самъ, вѣришь ли ты, что она и самимъ бы малѣйшимъ приключившимся тебѣ припадкомъ оскорблена была? . . . Вѣрю . . . что - - подвергла бы себя бѣдности, для извлеченія тебя изъ оной? Вѣрю . . . что - - оторвала бы отъ устъ своихъ хлѣбъ, и подала тебѣ оной? . . . Вѣрю . . . что - - жертвовала бы своимъ живопомъ ради спасенія твоего? . . . Вѣрю . . . что о

тебѣ, а не о себѣ не престанныя богамъ возсылаетъ молитвы? . . . Вѣрю, что о мнѣ . . . И ты почитаешь ее лютою, свирѣпою, ты жалуешся на нея. Увы сыне мой, не мать твоя зла, но ты! Я тебѣ повторяю, что не справедливъ ты самъ . . . Какой человѣкъ! Какой гражданинъ! Какой начальникъ! Какой супругъ! Какой отецъ! Чемъ меньше заслуживала Ксантиппа сію похвалу, тѣмъ больше должно дивиться Сократу. О Сократъ! коль мало похожъ я на тебя; но по крайней мѣрѣ принуждаешь ты меня плакать отъ удивленія и радости!

Сократъ не почиталъ себя живущимъ на земли ради одного только себя и ради своихъ; онъ желалъ быть по возможности полезнымъ всѣмъ, а во первыхъ молодымъ людямъ, въ коихъ меньше чаялъ сыскать препятствій къ добру. Искоренялъ въ нихъ предразсужденія, научалъ ихъ любить истинну, поощрялъ къ добродѣтели, посвящалъ мѣста юношескимъ забавамъ посвященныя, искалъ ихъ вездѣ, видимъ былъ всегда посреди ихъ на улицахъ, на площадяхъ, въ садахъ, баняхъ, училищахъ, прогулкахъ, говорилъ предъ всѣми, всякъ желающій подойти къ нему слушати его могъ. Съ удивительнымъ

нымъ искусствомъ употреблялъ онъ Иронію и введеніе; Иронію нечувствительно, смѣшное въ умствованіяхъ открывающую; введеніе же многими околичными вопросами непримѣтно приводящее къ исповѣданію и самой отрицаемой вещи. Присовокупите къ сему пріятность выраженія чистаго, простаго, не принужденнаго, забавнаго; тонкость мыслей, сладость, легкость, и нѣжность его народу сродную, вѣжливость удивительную, наблюденіе тщательнѣйшее, дабы ни кому не досадить, ни кого не презрѣть, ни кого не унизить, ни кого не оскорбить. О разумѣ его хвалился всякъ часъ. „Я „подражаю моей матери, говорилъ онъ, „которая хотя была не плоди, но знала „искуство пособлять женамъ раждающимъ, и выводить на свѣтъ плодъ во „чревѣ ихъ заключающійся.„

Не было для Софистовъ ужаснѣйшаго бича. Молодые Сократовы ученики нечувствительно привыкли къ образу ученія его, и вскорѣ начали употреблять Иронію и введеніе съ немалымъ оскорбленіемъ ложныхъ вѣтіевъ, худыхъ стихотворцовъ, мнимыхъ Философовъ, несправедливыхъ и гордыхъ вельможей. Ни чья глупость, ни жреческая ни художническая,

ниже начальническая поцажена не была. Горячесть рѣзваго юношества со всѣхъ сторонъ привлекла ненависть на наставляющаго оное. Ненависть сія возрасла и умножилася. Сократъ презрѣлъ оную, ни мало не печалясь о томъ, что его ненавидятъ, ругаются и поносятъ, а спараясь только неповиннымъ себя соблюсти; но между тѣмъ сдѣлался жертвою ея. Аполлонъ сказалъ о немъ: „Софоклъ есть премудръ, премудрѣе его „Еврипидъ, но Сократъ наипремудрѣйшій изъ всѣхъ человѣкъ.„ Софисты, величалися знаніемъ всего; а Сократъ тѣмъ только однимъ, что не знаетъ ни чего. Преимущество сіе употреблялъ онъ съ тѣмъ, что бъ ихъ вопрошать, дѣлать имъ затрудненія, и посрамлять ихъ самимъ точнѣйшимъ и поноснѣйшимъ для нихъ образомъ. Въ протчемъ мужъ сей разума и искуства пресовершеннаго столько слушавшій, столько читавшій, столько размышлявшій удобно примѣтилъ, что истинна подобна нитѣ, начинающейся въ одномъ и пресѣкающейся въ другомъ концѣ тьмы; и что во всякомъ предложенномъ вопросѣ постепенно возрастаетъ свѣтъ даже до извѣстнаго предѣла, лежащаго на долготѣ тонкой нитки, выше которыя оный мало по малу ослабѣваетъ

ъ

бѣваетъ и всеконечно померкаетъ. Знающій, гдѣ точно останавливаться надлежитъ, есть Философъ; а неразумный Софистъ всегда поступая далѣе заблуждается и самъ, и другихъ съ собою туда же влечетъ: вся его Діалектика состоитъ въ неизвѣстностяхъ. Такое наставленіе непрестанно подавалъ Сократъ своего времени Софистамъ, которымъ однако не пользовалися они, и будучи, сами не зная для чего, не довольны отходили отъ него. Но имъ надлежало только возвратиться паки къ вопросу, о которомъ имѣли съ нимъ прѣніе, и тотчасъ бы примѣтили, что они сами преходили предѣлъ слабому нашему уму положенный.

Сократа обвиняли въ нечестіи, и должно признаться, что вѣра его не сходствовала съ исповѣданіемъ тоя страны. Онъ презиралъ боговъ и суевѣрія Греціи; въ омерзѣніи имѣлъ ихъ таинства; единою только крѣпостію своего ума возвысился къ познанію божія единицы, и не убоялся открыть своимъ ученикамъ опасныя сея истины.

Поставивъ благополучіе свое настоящее и будущее въ исполненіи добродѣ-

тели, а исполненіе добродѣтели въ наблюденіи естественныхъ и политическихъ законовъ, ни чемъ отъ того отвлеченъ быть не могъ. Самыя ужаснѣйшія приключенія не только не поколебали его великодушія, но и не перемѣнили веселости его. Онъ избавилъ отъ казни десять судей тираннами осужденныхъ. Не восхотѣлъ бѣжать изъ темницы. Выслушалъ съ веселіемъ приговоръ о своей смерти. Все житіе его наполнено такими дѣлами.

Онъ презиралъ обиды; презрѣніе и прощеніе обидъ, почитаемыя у христіянъ добродѣтелями, были мщеніемъ сего Философа. Въ разсужденіи употребленія вещей, къ сохраненію жизни, а не къ роскоши естествомъ опредѣленныхъ, строжайшую наблюдалъ умѣренность. Чѣмъ меньше, говорилъ онъ, имѣетъ человѣкъ нужды, тѣмъ болѣе состояніе его уподобляется состоянію боговъ: хотя былъ онъ убогъ, но никогда жена его принудить не могла къ тому, что бъ отъ Алкивіада и другихъ почитавшихъ его богатыхъ людей принялъ дары. Правосудіе поставлялъ главнѣйшею добродѣтелію. Благотвореніе его по примѣру благости вышняго существа изливалося

на

на всѣхъ безъ изъятія. Гнушался ласкательствомъ. Любилъ пригожство въ мущинахъ и женщинахъ, но не былъ оному порабощенъ; любовь сія была непорочна и честна, которою и Аристофанъ, подлое орудіе его враговъ, не дерзнулъ укорять его. Что жъ думать намъ надобно о той благосклонности и снисходительствѣ, съ какимъ нѣкоторые древніе и нынѣшніе приняли и повторили клевету противу непорочности его нравовъ? клевету, которую и именовать устыдилися бы мы; конечно сами они были завистливы или прельщенны. И удивимся ли, что сыскалися такія злобныя души? Можетъ быть, ежели бъ не извѣстно намъ было, къ чему сильное и сокровенное поощряетъ корыстолюбіе. Смотри, что будемъ говорить о дружномъ его духѣ въ членѣ Θеософъ.

Сократъ не имѣлъ училища и ни чего не писалъ; о ученіи его вѣдаемъ мы только то, что ученики его предали намъ объ оном. Изъ сихъ источниковъ мы почерпнули.

Умствованія Сократовы о Божествѣ: онъ говорилъ: хотя существо Божіе отъ понятія нашего сокровенно,

но бытіе его, премудрость, могущество и благость въ твореніяхъ его видимы суть.

Богъ есть творецъ міра, міръ же есть совокупленіе всего того, что добро и красно.

Естьли бы мы чувствовали все царствующее во вселенной согласіе, ни когда бы не могли почесть слѣпаго случая причиною толь многихъ, повсюду по правиламъ удивительнѣйшія премудрости совокупленныхъ дѣйствій, и къ наивящшей возможной пользѣ. Естьли бы вышнее существо не содѣйствовало расположенію, размноженію и общему сохраненію существъ, и не вдило безпрестанно о нихъ, то какъ статься можетъ, что бы въ такъ составленной и такъ великой махинѣ ни какого непослѣдовало безпорядка?

Богъ управляетъ всѣмъ; видитъ все во мгновеніи ока; мысль наша мгновенно возлетающая отъ земли къ небу; око наше вдругъ по отворенїи своемъ въ найдалечайшемъ растояніи лежащія тѣла усматривающее, суть только слабыя подобія быстрости его разума.

Въ одно время присутствуетъ онъ вездѣ.

Законы нечеловѣческіе суть, но боже. Онъ собственно казнитъ нарушителей оныхъ гласомъ судей, кои суть токмо орудія его.

Умствованія Сократовы о духахъ: сей Философъ думалъ, что между богомъ и человѣкомъ суть среднія существа, духи покровители народовъ: позволялъ ихъ почитать, и мнилъ, что они начальники гаданія.

Умствованія Сократовы о душѣ: по его мнѣнію душа прежде тѣла получаетъ свое бытіе, одарена вѣчныхъ понятій познаніемъ. Познаніе сіе засыпаетъ въ ней чрезъ соединеніе ее съ тѣломъ, и пробуждается паки продолженіемъ времени, и употребленіемъ разума и чувствъ. Ученіе не что иное есть какъ воспоминаніе: а смерть, возвращеніе въ первое свое состояніе, добрыхъ въ блаженство, злыхъ же въ муки.

Основанія нравственной Философіи Сократовой: онъ говорилъ:

Еди-

Единое токмо есть добро знанїе; и единое зло, невѣжество.

Богатства и киченїя благородствомъ, суть первые источники золъ.

Премудрость есть здравїе души.

Вѣдающїй доброе, а творящїй злое безумень есть.

Нѣтъ ничего полезнѣе и пріятнѣе, какъ исполненїе добродѣтели.

Мудрый мужъ не почтетъ себя вѣдающимъ что, чего не знаетъ.

Правосудїе и щастїе суть едино.

Мерзокъ тотъ человѣкъ, кой первый сдѣлалъ различенїе полезнаго отъ справедливаго.

Премудрость есть благообразїе души, а порокъ безобразїе ея.

Тѣлесная красота предвѣщаетъ красоту душевную.

Въ добродѣтельной жизни подобно какъ въ изрядной картинѣ должно смотрѣть, чтобъ всѣ части оныя были хороши.

Могущїй испытать себя не срамляяся провождаетъ благополучную и спокойную жизнь; ни что не тревожитъ его по

по тому, что нечувствуетъ себя ни въ какомъ злодѣяніи быть виновнымъ.

Человѣкъ долженъ самъ учиться, и познавать самаго себя.

Знающій себя избѣгнетъ отъ многихъ золъ, въ которыя падаетъ невѣдущій о себѣ; въ началѣ познаетъ онъ свое невѣжество и потщится научится.

Доброе начало не ни что есть: но есть вещь не большая.

Единая есть премудрость, и едина добродѣтель.

Наилучшій образъ богочтенія есть, творити повелѣнное богами.

Надлежитъ просить у боговъ вообще того, что полезно намъ: ибо упоминать въ молитвѣ о какой либо вещи именно, значитъ присвоять себѣ знаніе имъ одниимъ предоставленное.

Должно молитися богамъ своея страны, и дѣлать приношенія уравненныя стяжанію; они болѣе смотрятъ на чистоту нашихъ сердецъ, нежели на богатство жертвъ.

Законы суть небесные; творимое по закону праведно есть на земли, и утверждено на небесѣхъ.

Что

Что законы, каковы суть: покланятися богамъ, почитать родителей, любить благодѣтели; происходятъ свыше, тому доказательствомъ есть наказаніе нераздѣльно съ нарушеніемъ оныхъ сопряженное; необходимый сей закона союзъ съ казнію на нарушителей не можетъ отъ человѣка происходить.

Весьма жестокому отцу надлежитъ являть такое же повиновеніе, какое являютъ строжайшему закону.

Великость неблагодарности сразмѣрна бываетъ важности оказаннаго благодѣянія; мы своимъ родителямъ должны самымъ величайшимъ добромъ.

Неблагодарный сынъ не обрящетъ благодати предъ богомъ, и не будетъ почтенъ отъ людей: какого воздаянія ожидать мнѣ чужому отъ того, который и къ наиболѣе одолжившимъ его особамъ не благодаренъ есть?

Продающій другимъ свою мудрость за деньги, отдаетъ себя на поруганіе подобно продающему свою красоту.

Богатство въ рукахъ человѣка безумнаго, какъ бѣшеная лошадь подъ нами безъ узды.

Сребролюбиваго богатство подобно солнечному свѣту, который по захожденіи своемъ ни кого не веселитъ.

Сребролюбцомъ называю я того, кто гнусными средствами копитъ богатство, и не хочетъ другами имѣть требующихъ.

Богатство мота однимъ только Ласкателямъ и блудницамъ полезно.

Искреннїй и добродѣтельный другъ больше всякой деревни приноситъ пользы.

Ни между двумя злодѣями, ни между добрымъ и злымъ не бываетъ истинная дружба.

Въ дружбу къ человѣку войти можно тѣмъ, когда приложишъ стараніе о приведеніи въ совершенство такихъ твоихъ качествъ, которыя почитаетъ онъ въ себѣ.

Нѣтъ такой добродѣтели, которая бы отъ вниманія и привычки возрасти и въ совершенство прійти не могла.

Ни богатствомъ, ни благородствомъ, ни достоинствами, ниже титулами дѣлается человѣкъ благъ: но благость его находится въ его рукахъ.

Пожаръ

Пожарь возрастаетъ отъ вѣтру, а любовь отъ сообщенїя.

Спесь состоитъ въ томъ, когда кто говоритъ все самъ, и ничего слушать не хощетъ.

Съ нещастїемъ надлежитъ дружиться на передъ для того, чтобъ когда оно прїйдетъ, приняпь его какъ давно уже ожиданное.

Смерти бояться не должно; она есть успенїе или путешестьїе.

Естьли по смерти не остается отъ насъ ничего, то сїе приобрѣтенїе паче, нежели нещастїе есть.

Лучше умрети честно, нежели житъ безчестнымъ.

Отъ невоздержанїя бѣгстьомъ спасаться должно.

Чѣмъ кто воздержнѣе, тѣмъ ближе подходитъ къ состоянїю боговъ, которые ни въ чемъ не имѣютъ нужды.

Тѣлесное здравїе должно блюсти для того, что съ нимъ сопряжено тѣсным союзомъ здравїе душевное.

Спокойстьїе есть самое величайшее добро.

Не песъма: Сія есть хвала молодаго человѣка.

Люди живутъ для того, что бъ ѣсть; а добродѣтельные ѣдятъ для того, что бъ жить.

Въ великомъ щастіи быть мудрымъ тоже есть, что умѣть ходить по льду.

Не желать показать себя столь добрымъ, какъ въ самой вещи еси, надежнѣйшее есть средство быть въ почтеніи.

Естьли ты человѣкъ честный, то словамъ твоимъ вѣрить станутъ такъ, какъ бы самой клятвѣ.

Клеветниковъ и злословящихъ отвращайся, нѣкій только развратъ побуждаетъ ихъ дѣйствовать и говорить.

Начальныя Сократопы прапила, о благоразумїи домашнемъ. Онъ говорилъ:

Умѣющій править домъ свой, получитъ пользу отъ всего, и отъ самыхъ непрїятелей своихъ.

Блюдися отъ нечувствительности, лѣности и небреженія; бѣгай роскоши; земледѣліе щитай за наиважнѣйшій источникъ.

Упражненія сквернаго ради прибытка творимыя отрини; они въ презрѣніе приводятъ душу.

Не должно отъ жены утаевать того, что для твоего и ея благополучія знать ей потребно.

У супруговъ всему надобно быть общимъ.

Мужъ долженствуетъ бдѣть о внѣшнихъ, а жена о домашнихъ дѣлахъ.

Не безъ причины естество привязало матерей къ дѣтямъ крѣпче, нежели отцовъ.

Начальныя Сократопы прапила, о благоразумїи политическомъ:

Истинные самодержцы суть не тѣ, которые имѣютъ скипетръ въ рукахъ, хотя бы то было по праву рожденія, или по случаю, или по насилїю, или по народному согласїю; но тѣ, кои умѣютъ правительствовать.

Повелѣвающій тѣми, которые добровольно обязались быть ему послушными, самодержецъ есть: а принуждающій повиноваться себѣ есть тиранъ: тотъ приказываетъ исполнять законъ, а сей велитъ творить волю его.

Добрый

Добрый гражданинъ всѣми своими силами споспѣшествовать будетъ тому, что бъ сдѣлать общество цѣпущимъ во время мира, и побѣдоноснымъ во время войны; ежели случится мятежъ, попечется о соединенїи народа: отправленный же къ непрїятелю всѣ честностїю предписанныя употребитъ средства, что бъ исходатайствовать примиренїе.

Законъ не для добрыхъ установленъ.

Градъ наилучше стрегомый есть тотъ, который заключаетъ въ себѣ великое число честныхъ людей; благочиннѣйшїй, въ которомъ начальники дѣлаютъ все съ общаго согласїя; превосходнѣйшїй же всѣхъ тотъ, въ которомъ добродѣтель несомнѣнныя имѣетъ воздаянїя.

Обитай въ томъ, въ коемъ однимъ только законамъ повиноваться будешь.

Здѣсь прилично бъ было объявить о ложныхъ обвиненїяхъ на Сократа составленныхъ; также объ оправданїи его, и о смерти; но сїи дѣйствїя весьма на многихъ мѣстахъ описаны. Кто не знаетъ того, что онъ пострадалъ за исповѣданїе нераздѣлимаго божїя существа?

По смерти Сократовой ученики его бросилися на его ризу, и разодрали оную. Я хочу сказать то, что они послѣдовали разнымъ частямъ Философіи, и основали великое число разныхъ другъ другу пропивныхъ полковъ, которые щитать должно за столь многія раздѣленныя поколѣнія, хотя всѣ отъ одного начала происходящія.

Нѣкоторые изъ нихъ приходили къ Сократу съ такимъ намѣреніемъ, дабы познаніемъ истинны, исправленіемъ нравовъ и любовію къ добродѣтели предуготовить себя къ достойному отправленію первѣйшихъ въ обществѣ званій, къ которымъ были назначены: таковъ былъ Ксенофонтъ.

Другіе, между которыми щитать можно Критона, ввѣряли ему воспитаніе своихъ дѣтей.

Были и такіе, кои приходили къ нему на тотъ единственно конецъ, что бъ сдѣлаться лучшими: какъ то Діодоръ, Евѳидемъ, Евѳеръ и Аристархъ.

Критій и Алкивіадъ дружествомъ были съ нимъ сопряжены. Лисія обучалъ онъ краснорѣчію; Евена и Еврипида стихотворству; при томъ нѣкоторые думаютъ,

ютъ, что онъ вспоможеніе дѣлалъ Еврипиду и въ сочиненіи трагедій, подъ его именемъ въ свѣтъ изданныхъ.

Аристиппъ Сократовъ ученикъ основалъ полкъ Киринаическій, Федонъ Еліатическій, Евклидъ Мегарическій, Платонъ Академическій, Антисѳенъ Киническій.

Ксенофонтъ, Есхинъ, Критонъ, Симонъ и Кевитъ довольствовались только тою честію, что имѣли его учителемъ.

Ксенофонтъ родился въ восемдесятъ второй Олимпіадѣ. Однажды Сократъ встрѣтивши его идущаго по улицѣ тростью своею преградилъ ему путь, остановилъ его и спрашивалъ, гдѣ продаются вещи къ содержанію жизни потребныя. Красота Ксенофонтова привела его во удивленіе. Сей молодый человѣкъ на сдѣланный Сократомъ вопросъ, по его характеру отвѣтствовалъ ему важно. Сократъ вторично вопросилъ его, не знаетъ ли онъ, гдѣ люди учатся быть добрыми? При семъ вопросѣ когда Ксенофонтъ молчаніемъ своимъ и сплыдливостію изъявлялъ свое смущеніе, то Сократъ ему сказалъ: послѣдуй мнѣ, и узнаешь о томъ. Такимъ образомъ Ксенофонтъ сдѣлался его ученикомъ. Здѣсь

не прилично писать повѣсть о Ксенофонтѣ. Мы имѣемъ его Киропедію, оправданіе Сократово, четыре книги достопамятныхъ изреченій и дѣлъ сего Философа; Пиръ, книгу о домостроительствѣ, разговоръ о Тираніи, похвалу Агесилая и сравненіе Аѳинейскія и Лакедемонскія республикъ, сочиненія пріятнѣйшимъ штилемъ и съ наблюденіемъ истинны, важности и простоты написанныя.

Ешинъ приступилъ къ Сократу съ удивительнымъ простосердечіемъ. Онъ былъ убогъ: я не имѣю ничего, говорилъ онъ Философу, отъ котораго желалъ принять наставленіе, что бы могъ по достоинству поднести тебѣ; и сіе одно заставляетъ меня чувствовать мое убожество. Я имѣю одного лишь себя: разсуди, хощешъ ли ты меня принять. Какіе бы дары отъ другихъ ни поднесены тебѣ, однако они болѣе оставили у себя, нежели тебѣ подарили. Что же касается до моего приношенія, то когда изволишъ оное принять, у меня не останется болѣе ничего. Ты мнѣ даришъ много, отвѣтствовалъ ему Сократъ, естьли бы ты только не щиталъ себя за мало: но гряди, я тебя пріемлю;

и постараюся, чтобъ ты болѣе себя почиталъ, и чтобъ тебѣ возвратить тебя лучшимъ, нежели какимъ я принялъ. Не было у Сократа ученика ни трудолюбивѣйшаго, ни ревностнѣйшаго паче его. Судьба привела его ко двору Діонисія Тиранна, который сперва мало его почиталъ. Убожество слѣдовало за нимъ повсюду. Онъ написалъ нѣсколько разговоровъ по примѣру Сократову, и симъ сочиненіемъ пришелъ въ знатность. Платонъ и Аристиппъ устыдился, что презирали сего человѣка; росхвалили его Діонисію, который съ того времени лучше его принималъ. По возвращеніи въ Аѳины засталъ онъ тамъ учрежденныя два славныя училища. Въ одномъ училъ Платонъ, а въ другомъ Аристиппъ. Онъ не дерзнулъ посредѣ двоихъ сихъ Философовъ появиться всенародно, и довольствовался тѣмъ, что особливыя подавалъ наставленія. Симъ средствомъ увѣренъ будучи о своемъ пропитаніи прилѣпился къ приказнымъ дѣламъ, въ коихъ и успѣлъ. Менедемъ упрекаетъ его тѣмъ, аки бы онъ разговоры, Сократомъ сочиненные и отъ Ксантиппа ему ввѣренные себѣ присвоилъ. Нареканіе сіе много дѣлаетъ чести Ешину. Онъ столь удивительнымъ образомъ понялъ характиръ своего учи-

теля, что Менедемъ и Аристиппъ обманулися въ немъ. Въ самомъ дѣлѣ въ разговорахъ отъ Ешина намъ оставшихся видна простота, выраженїе, правила, сравненїя и вся нравственная наука Сократова.

Къ вышесказанному нами о Критонѣ не прибавимъ болѣе ничего, кромѣ что онъ не оставлялъ Сократа во все время содержанїя его въ темницѣ; что старался снабдѣвать его всѣми потребными вещьми; что Сократъ негодуя на то, что многїе во зло употребляли тихой Критоновъ нравъ ко утѣсненїю его, совѣтовалъ ему сыскать какого нибудь мятежнаго, злаго и нахальнаго человѣка, который бы врагамъ его противиться могъ, и что совѣтъ сей желаемый имѣлъ успѣхъ.

Симонъ былъ кожевникъ, котораго домъ Сократъ иногда посѣщалъ. Въ ономъ, какъ и во всѣхъ другихъ мѣстахъ, разговаривалъ онъ о порокахъ, добродѣтеляхъ, добрѣ, красотѣ, благопристойности и честности; кожевникъ же слушалъ то со вниманїемъ, и въ вечеру по окончанїи своея работы, главнѣйшїя слышанныя имъ вещи на бумагу списывалъ. Перикълъ много сего

сего человѣка почиталъ, и старался лестнѣйшими обѣщаніями привлещи его къ себѣ; но Симонъ отвѣтствовалъ ему: что онъ вольности своея не продаетъ.

Кевитъ написалъ три разговора, изъ которыхъ послѣдній только извѣстный подъ именемъ *Картины* остался у насъ. Онъ есть не большій *Романъ*, о вкусѣ, склонностяхъ, предувѣреніяхъ и нравахъ человѣческихъ, сочиненный по примѣру живописныя картины во храмѣ Сатурновомъ обрѣтавшіяся. Во ономъ слѣдующія правила предполагаются.

Души получили свое бытіе прежде тѣлъ. Добрая или злая участь уготована имъ.

Они имѣютъ духъ просвѣщающій ихъ, котораго гласъ слышатъ, и который увѣдомляетъ ихъ о томъ, что должно имъ дѣлать, и отъ чего убѣгать.

Они приносятъ съ собою врожденную склонность къ обманству, заблужденію, невѣжеству и пороку.

Склонность сія не во всѣхъ съ равною дѣйствуетъ силою.

Она обѣщаваетъ благополучіе всѣмъ людямъ, однако обманываетъ ихъ и по-

губляетъ. Званїе есть истинное и ложное.

Стихотворство, вѣтїйство, музыка, дїалектика, Ариѳметика, землемѣрїе и звѣздочетство суть обманчивыя науки.

Познанїе должностей и исполненїе добродѣтелей суть только истинное ученїе.

Истиннымъ ученїемъ избѣгаемъ въ мірѣ семъ отъ наказанїя, и въ другой жизни уготовляемъ себѣ блаженство.

Блаженство сїе получатъ одни только добрѣ пожившїе, или очистившїеся отъ грѣховъ.

Изъ сего радостей жилища будутъ они смотрѣть на безумїе и бѣдность человѣческую: но зрѣлище сїе не помѣшаетъ ихъ веселїя: ибо они будутъ безстрастны.

Злые по отшествїи отъ жизни сея, впадутъ во отчаянїе, которое возобладаетъ ими; и заблуждаяся будутъ всегдашнимъ игралищемъ страстей, коимъ предадутъ себя.

Не богатство, но истинное ученїе дѣлаетъ человѣка благополучнымъ.

Ни

Ни уповати на щастіе, ни весьма почитать его даровъ не надлежитъ.

Почитающій себя знающимъ то, чего не знаетъ, находится въ заблужденіи препятствующемъ ему научиться.

Къ ученикамъ Сократовымъ причисляется еще Тимонъ Мисантропъ (*). Сей человѣкъ думалъ бѣгать общества себѣ подобныхъ для того, что почиталъ ихъ злыми; но онъ обманывался, и самъ паче не былъ добръ. Для доказательства сего довлѣетъ единыя тоя свирѣпыя радости, которую похвальныя восклицанія отъ Аѳинянъ Алкивіаду сдѣланныя произвели въ немъ. Оныя виною, по объявленію его, было предчувствованіе зла, которое молодый сей человѣкъ Аѳинянамъ нѣкогда причинить имѣлъ. Я не людей ненавижу, говорилъ онъ, но лютыхъ звѣрей имя. сіе на себѣ носящихъ; но между сими лютыми звѣрьми самъ ты что такое былъ если не неукротимыйшій изо всѣхъ? Что должно думать о томъ, который бѣжитъ изъ града, въ коемъ обиталъ Сократъ, и въ коемъ честныхъ людей былъ соборъ, естьли не то, что гнусность порока оскорбляла его болѣе

(*) Ненавидящій людей.

лѣе, нежели плѣняла красота добродѣ-тели? Свойство сіе есть худое. Какое зрѣлище можетъ быть болѣе и пріятнѣе человѣка правосуднаго, великодушнаго, добродѣтельнаго, неустрашимаго и ни-чемъ непоколебимаго! Самые боги, чтобъ видѣть его ходящаго по земли, наклоняются съ высоты блаженнаго своего жилища; а печальный и задумчивый Тимонъ отвращаетъ отъ него свирѣпые свои взоры, бѣгаетъ его и со исполненнымъ гордости, зависти и злобы сердцемъ идетъ водвориться въ пустыни.

ПЛАТО-

ПЛАТОНИСМЪ или ФИЛОСОФІЯ ПЛАТОНОВА,

(*ИСТОРІЯ О ФИЛОСОФІИ*).

Изъ всѣхъ произшедшихъ изъ Сократова училища толковъ ни одинъ не имѣлъ болѣе сіянія и славы, ни одинъ не былъ столь многочисленъ, и ни одинъ не пребывалъ столь долгое время какъ *Платонисмъ*. Подобно вѣрѣ, былъ оный отъ начала своего возстановленія даже до сихъ послѣднихъ временъ безпрерывно исповѣдуемъ людьми. Онъ имѣлъ общій съ другими человѣческими знаніями жребій; прошелъ разныя страны Асіи, Африки и Европы входя во оныя по мѣрѣ проницающаго туда свѣта, или удаляясь отъ оныхъ по мѣрѣ умножающіяся паки тамо тьмы. Мы видимъ Платона равными шагами съ Аристотелемъ шествую-

ствующаго, и раздѣляющаго съ нимъ вниманіе вселенныя. Сіи суть два равномѣрно громкія гласы слышащіяся одинъ подъ сѣнію училищъ, другой въ темноплѣ храмовъ. Платонъ ведетъ съ собою краснорѣчіе, восторгъ, добродѣтель, честность, благопристойность и пріятности. Аристотель имѣетъ по правую себя сторону порядокъ въ ученіи, а по лѣвую соразсужденіе; онъ разсматриваетъ, раздѣляетъ, различаетъ, споритъ, доказываетъ. Между тѣмъ какъ соперникъ его кажется пророчествовать.

Платонъ родился въ Егинѣ: по отцу своему Аристону былъ въ свойствѣ Кодру, а по матери Перикціонѣ, Солону. Седмое число Θаргиліона восемдесятъ седмой Олимпіады, день рожденія его, въ послѣдующія времена торжественно было празднуемо Философами. Первыя свои лѣта употребилъ онъ на Имнастическія упражненія, на приведеніе въ совершенство живописи, и на сбученіе музыкѣ, краснорѣчію и стихотворству дивирамбическому, Епическому, и Трагическому: но сравнивши свои стихи съ Омировыми сжегъ оныя и совсѣмъ углубился въ Философію.

Гово-

Говорятъ, что Аполлонъ плѣнясь красотою матери его Периктіоны, жилъ съ нею, и что нашъ Философъ жизнію своею долженъ сему богу. Говорятъ, что страшилище покоилося на ней, и что она зачала сіе отроча не потерявъ дѣвства. Говорятъ, что какъ въ одинъ день Аристонъ и его жена на горѣ Иметтѣ приносили мусамъ жертву, и Периктіона положила юнаго Платона между миртовыхъ кустовъ, то возвратясь нашла его окруженнаго роемъ пчелъ, изъ коихъ одни лѣпали около его головы, а другіе орошали губы его медомъ. Говорятъ, что Сократъ видѣлъ во снѣ молодаго лебедя улетѣвшаго съ олтаря посвященнаго любви, въ Академіи, сѣдшаго ему на колѣна, начавшаго пѣть, и пріятностію своего пѣнія обратившаго на себя вниманіе человѣковъ и боговъ; и что когда Аристонъ представилъ сына своего Сократу, то Сократъ узрѣвъ его воскликнулъ: *я узнаю лебедя по снѣ мною пидѣннаго.* Сіи суть такіе вымыслы, которыхъ важные писатели не устыдилися разгласить аки истинну, и коимъ можетъ быть опасно бы было противорѣчить, ежели бы Платонъ основателемъ былъ какія либо системы набожностію приняпыя.

Въ юношествѣ своемъ прилѣпился онъ ко Кратилу и Ираклиту. Сократъ, у котораго онъ учился восемь лѣтъ, примѣтилъ тотъ часъ въ немъ склонность сію къ Синкретисму, или такому роду Философіи, которая спараяся согласить противныя между собою мнѣнія, растлѣваетъ оныя и портитъ. *Смотри членъ* СИНКРЕТИСМЪ.

Онъ не оставилъ своего учителя во время бывшаго на него гоненія; представилъ его предъ судей, говорилъ за него защитительную рѣчь; и отдавалъ свое имѣніе для избавленія его отъ казни: однако заградившіе воплемъ своимъ ему уста въ то время, какъ онъ его защищалъ, отринули сіи предложенія, и Сократъ испилъ цикуту.

Смерть Сократова нанесла печаль и привела въ ужасъ Философовъ. Они искали убѣжища въ Мегарѣ у Діалектика Евклида, и ожидали тамъ благополучнѣйшаго времени. Оттуда Платонъ путешествовалъ во Египетъ, гдѣ навѣщалъ жрецовъ; ѣздилъ въ Италію, гдѣ сдѣлался Пиѳагоровымъ ученикомъ; въ Киринеи былъ у землемѣра Ѳеодора, и не пропустилъ ни одного средства спо-

способствующаго умноженію его знаній. По возвращеніи въ Аѳины открылъ онъ свое училище: для котораго избралъ домъ, окруженный деревами, стоящій не подалеку отъ предмѣстія; сіе мѣсто называлося *Академія*: при входѣ въ него написано было; *ἀγεωμέτρητος μηδεὶς εἰσίτω, незнающій землемѣрія сюда не приемлется.*

Академія была близъ Кирамика. Воною находилися статуи Діанны, капище и гробы Ѳрасивула, Перикла, Хабрія, Форміона и убіенныхъ при Маравонѣ, монументы нѣкоторыхъ мужей, знатныя услуги обществу показавшихъ. Статуя любви, жертвенники посвященные Минервѣ, Меркурію, Мусамъ, Иркулесу, и Юпитеру переименованному Καταιβάτος; три Граціи и сѣнь, которую дѣлали нѣсколько старыхъ яворовъ. Платонъ умирая оставилъ сію часть своего наслѣдія для всѣхъ любящихъ покой, уединеніе, размышленіе и безмолвіе.

Платонъ имѣлъ довольное число учениковъ, Спейзиппъ, Ксенократъ и Аристотель слушали ученіе его. Онъ обучалъ Иперида, Ликурга, Демосфена и Исократа. блудница Ласѳинія Мантинейская

часто бывала въ Академіи; а Аксіова Фліаская прихаживала туда переодѣвшися въ муское платье. Сіе мѣсто было сборищемъ всякаго возраста, званія, пола, и всѣхъ странъ людей. Толикая слава непремѣнно должна была возбудить зависть и клевету: Ксенофонтъ, Антисфенъ, Діогенъ, Аристиппъ, Ешинъ, и Федонъ востали противу Платона, а Аѳинею угодно было предать потомству ненавистныя оболганія, коими старался помрачить память его; но одной строки изъ сочиненій Платоновыхъ довольно къ заглажденію и его погрѣшностей, ежели оныя были, и укоризни непріятелей его. Кажется, что болѣе позволительно великимъ людямъ быть злыми. Зло, которое они дѣлаютъ, проходитъ вмѣстѣ съ ними: а добро происходящее отъ ихъ сочиненій, пребываетъ вѣчно: они озлобили своихъ сродниковъ, друговъ, сограждановъ, современниковъ, изрядно; но они не престаютъ наставлять и просвѣщать вселенную. Я бы весьма желалъ, чтобъ Баконъ былъ великій писатель и честный человѣкъ; но ежели должно выбирать изъ двоихъ одно, получше хощу быть ему великимъ мужемъ и плутомъ, нежели честнымъ человѣкомъ и невѣжею: то, что было хорошо

рошо для него и для домашнихъ его, не хорошо для меня: такое мнѣніе даемъ мы и по неволѣ. Мы чипаемъ Омира, Виргилія, Горація, Цицерона, Милтона, Тасса, Корнелія, Расина, и тѣхъ, коихъ чрезвычайное дарованіе на той же поставило степени, и не помышляемъ болѣе о томъ, кто таковы были они. Злый погребенъ въ землѣ; и намъ нѣчего болѣе его опасаться; а оставшееся послѣ его добро пребываетъ, и мы наслаждаемся онымъ. Вотъ истинныя строки, которыя съ соболѣзнованіемъ я написалъ, ибо гораздо бы пріятнѣе мнѣ было смутить великаго человѣка, живущаго спокойно при своемъ злочиніи, нежели утѣшать его обѣщаніемъ, что оное предано будетъ забвенію. Наконецъ сія губа вѣковъ дѣлаетъ человѣческому роду честь.

Платонъ былъ человѣкъ разуменъ, трудолюбивъ, воздерженъ и трезвъ, въ разговорахъ и въ поведеніи своемъ важенъ, терпѣливъ, ласковъ; изъ, коимъ досадна вольность, съ какою пиръ его написанъ, не узнаваютъ намѣренія онаго; ибо не меньше нужно для разсужденія о нравахъ, какъ и для разсужденія о сочиненіяхъ его обратиться къ тѣмъ временамъ, въ которыя кто жилъ, и переселиться въ

тѣ мѣста, въ коихъ онъ обиталъ; мы ни когда не сообществуемъ столь мало желанію естества, какъ въ тотъ часъ, когда родимся.

Платонъ во всю свою жизнь трудился въ томъ, что бъ научишь и сдѣлать юношество добродѣтельнымъ. Онъ не мѣшался во всеобщія дѣла. Мнѣнія его о законодательствѣ не согласны были съ Драконовыми и Солоновыми: онъ говорилъ о равенствѣ имѣнія и власти, которое возстановить трудно, а соблюсти въ народѣ можетъ быть и совсѣмъ не возможно. Аркадіяне, Оивейцы, Киринеане, Сиракузяне, Критяне, Еліане, Пирренцы и другіе трудившіеся въ возстановленіи у себя новыхъ правительствъ, приглашали его къ себѣ: но онъ усматривая при семъ случаѣ непреоборимое сопротивленіе въ разсужденіи безпредѣльной общественности всѣхъ вещей, жестокости, гордости, довольства, чрезмѣрныхъ богатствъ, великаго могущества, и безчисленныхъ трудностей, не поѣхалъ самъ, а посылалъ только къ нимъ своихъ учениковъ. Діонъ, Пиѳонъ и Ираклидъ почерпнувшіе въ его училищѣ ненависть къ тиранніи, свободили отъ оной, первый Сицилію, а другіе два Ѳракію.

Ѳракїю. Онъ любимъ былъ нѣкоторыми государями. Самодержавные государи не стыдилися тогда быть философами. Троекратно путешествовалъ въ Сицилїю; первый разъ съ тѣмъ, чтобъ разсмотрѣть островъ и видѣть огнедышущую гору Етну; другой по прошенїю Дїонисїя и Пиѳагоряне, которые уповали, что красноречїе и премудрость его великую могутъ имѣть надъ сердцами силу; сей самый предметъ былъ и третияго здѣланнаго имъ Дїонисїю посѣщенїя. По возвращенїи въ Ѳины совсѣмъ прилѣпился музамъ и философїи. Онъ наслаждался непремѣннымъ здравїемъ и долготою жизнїя, что было награжденїемъ за воздержанїе его. Скончался на восемдесятъ первомъ году своего жизнїя въ первый день сто осьмыя Олимпїады. Миѳридатъ Персъ воздвигнулъ ему статую, а Аристотель сооружилъ жертвенникъ. День рожденїя его былъ торжественно празднуемъ, и со изображенїемъ его дѣлали деньги. Протекшїе вѣки усугубили еще удивленїе и почтенїе, сочиненїямъ его оказанное. Стиль его есть средній между прозою и стихотворствомъ: онъ во всякомъ родѣ подаетъ примѣры красноречїя: не чувствующїй пріятностей его разговоровъ, не имѣетъ ни какого

вкуса. Никто не умѣлъ съ большею истинною учредить θеатръ, ниже лучше подкрѣплять свойствъ онаго. Онъ имѣетъ минуты высочайшаго изступленія. Разговоръ его о святости есть наискуснѣйшее и совершеннѣйшее сочиненіе, а защитительная его рѣчь о Сократѣ прямое краснорѣчіе. Читая его пиръ не вдругъ можно постигнуть искусство и намѣреніе онаго: разумный человѣкъ съ одной страницы сего писателя болѣе приобрящетъ пользы, нежели изъ тысячи критическихъ книгъ. Омиръ и Платонъ ожидаютъ еще достойнаго ихъ переводчика. Платонъ преподавалъ сомнительное ученіе. Трудно, говоритъ онъ въ Тимеи, постигнуть творца сея вселенныя, и бѣдственно бъ объявлять всенародно то, что открыто бы было о немъ. Онъ усмотрѣлъ, что недоумѣніе есть основаніе прямаго знанія: и для того всѣ его разговоры наполнены Скептикисмомъ, и тѣмъ самымъ весьма похожи на дружескія собесѣдованія. Однако въ истинныхъ своихъ мнѣніяхъ открылся онъ нѣкоторымъ только другамъ. Жребій его учителя сдѣлалъ его осторожнымъ; онъ даже до извѣстной степени придержался молчанія Пифагорическаго, и подражалъ Египетскимъ жрецамъ,

цамъ, изъ всѣхъ смертныхъ молчаливѣйшимъ и сокровеннѣйшимъ людямъ. Онъ болѣе старается опровергать, нежели доказывать, и почти всегда избѣгаетъ чинителевой злости посредствомъ великаго множества собесѣдующихъ, которые поперемѣнно то правы, то виноваты кажутся. Математическія науки присовокупилъ къ философіи, покусился изслѣдовать начало вещей, и самъ себя потерялъ въ своихъ разсужденіяхъ; онъ во многихъ мѣстахъ темень; его можетъ быть чинать надобно не столько для вещей, о коихъ говоритъ, какъ для образа, которымъ объ нихъ говоритъ; однако жъ не невидны въ немъ общія истинны глубокой и праведной философіи. Ежели говоритъ ему о всеобщемъ согласіи вселенныя, то создавшій оную будетъ заимствовать языка и мыслей его.

О философіи Платоновой. Онъ говорилъ:

Имя *премудраго* приличествуетъ одному только богу, а для человѣка довольно называться философомъ.

Премудрость имѣетъ въ предмѣтъ вещи разумѣемыя; знаніе, вещи преноси-

сипельныя къ богу и къ душѣ, когда она разлучена отъ тѣла.

Естество и искуство соединяются для произведенія философа.

Философъ отъ юности своея любитъ истинну, имѣетъ память и проницаніе, поощряется къ воздержанію, и чувствуетъ въ себѣ бодрость.

Вещи суть или разумѣемыя или дѣйствительныя; а знаніе *теоретическое* или *практическое*.

Философъ размышляющій о разумѣемыхъ вещахъ подражаетъ вышнему существу.

Онъ не бываетъ праздень; но, ежели сыщется случай, дѣйствуетъ.

Онъ можетъ предписать законы, учредить общество, успокоить народное возмущеніе, исправить старыхъ, научить юныхъ.

Не пренебрегаетъ искуства говоритъ, ниже искуства приводитъ свои мысли въ порядокъ.

Діалектика его съ помощію земледѣрія возведетъ его къ первому началу, и раздереть завѣсу покрывающую невѣждамъ глаза.

Пла-

Платонъ говоритъ, что Діалектика есть искуство раздѣлять, опредѣлять, заключать, и умствовать или доказывать.

Ежели умствованіе есть нужное, то называетъ онъ его *Алодектическимъ*; ежели вѣроятное, *елихерематическимъ*; ежели несовершенное или енпимематичное, *риторическимъ*; ежели ложное, *софистическимъ*.

Умственная философія, содержащая ученіе о существахъ неподвижныхъ, непремѣнныхъ, постоянныхъ, божественныхъ, зависящихъ отъ себя самихъ, и кои суть перьвыя причины вещей, называется *Богословіею*; имѣющая въ предмѣтъ звѣзды и обращенія оныхъ, возвращеніе существенностей во едину, и сложеніе міра получаетъ названіе *естественной философіи*; а разсуждающая о свойствахъ вещества именуется *математикою*.

Философія исполнительная есть, или нравоучительная, или домашняя, или гражданская; нравоучительная преподаетъ правила о исправленіи нравовъ; домашняя о управленіи семействомъ; гражданская о сохраненіи общества.

О Дїалектикѣ Платоновой: Познанїе истинны раждается отъ чувствованїя, хотя оное и не принадлежитъ къ чувствованїю, но къ разуму; ибо разумъ судитъ.

Разумъ имѣетъ въ предмѣтъ вещи простыя, разумѣемыя по себѣ самимъ, неизмѣнныя, или кои суть такїя, какими ихъ понимаютъ; или вещи чувствуемыя, но которыя либо по малости своей, либо по движимости пребывая въ непрестанномъ обращенїи или непостоянствѣ, не поражаютъ чувствъ; по сему есть знанїе и мнѣнїе; къ знанїю относятся первыя, а ко мнѣнїю вторыя вещи.

Чувствованїе есть состоянїе души послѣдующее отъ нѣкотораго ударенїя въ тѣло бывающаго.

Память есть пребыванїе вида принятаго въ разумъ посредствомъ чувствованїя.

Когда свидѣтельство памяти утверждается свидѣтельствомъ чувствованїя, то сїе есть мнѣнїе; когда же память и чувствованїе другъ другу противорѣчатъ, то сїе есть заблужденїе.

Душа

Душа человѣческая есть вощаная доска, на которой естество начерпываетъ свое изображенїе; мысль есть разглагольствованїе души съ самой собою; разговоръ есть наружное произношенїе сего разглагольствованїя.

Разумѣнїе есть дѣйствїе разума понимающаго первые разумѣемые предмѣты.

Разумѣнїе понимаетъ или разумѣемыя вещи, кои суть свойственны оному, и бывшїя въ немъ, и кои оно понимаетъ прежде соединенїя души съ тѣломъ, или тѣ же самые предмѣты, но по соединенїи своемъ съ тѣломъ; тогда разумѣнїе называется, *познанїе естественное.*

Сїе познанїе естественное производитъ воспоминанїе, котораго не должно смѣшивать съ памятїю; память принадлежитъ къ чувствуемымъ, а воспоминанїе къ разумѣемымъ вещамъ.

Между разумѣемыми предмѣтами иные суть первоспанейные, какъ то умоначертанїя или первыя понятїя; иные второспанейные, какъ то свойства, вещества или виды немогущїе отъ онаго отдѣлиться. Равнымъ образомъ между предмѣ-

предмѣтами чувствуемыми суть первые, какъ на примѣръ: бѣлизна и другїе отвлеченные; и вторые, какъ: бѣлый и другїя *конкреты*.

Разумъ не судитъ о первыхъ разумѣемыхъ предмѣтахъ безъ причины производящей знанїе. Къ нему принадлежитъ дѣйствїе простое, понятїе чистое и безъ разговора. Разсужденїе о вторыхъ разумѣемыхъ предмѣтахъ предполагаетъ ту же причину и то же дѣйствїе; но не столько простое; и оно есть разумѣнїе.

Чувство не судитъ о чувствуемыхъ предмѣтахъ первыхъ или вторыхъ безъ причины раждающей мнѣнїе; разсужденїе о конкретахъ предполагаетъ оную равно, какъ и разсужденїе объ отвлеченныхъ; однако оно есть чувствованїе.

Къ умозрѣнїю принадлежитъ то, что есть истинное и ложное; а къ практикѣ то, что есть собственное и постороннее въ дѣлнїяхъ.

Врожденная причина красоты и блага дѣлаетъ разсужденїе практическимъ: сїя врожденная причина есть какъ бы нѣкое

пра-

правило, по которому мы неуклонно поступаемъ въ жизни.

Діалектикъ сперва долженъ упражняться въ познаніи существа вещи, потомъ въ познаніи припадковъ ея.

Онъ сперьва начнетъ опредѣлять, раздѣлять, рѣшить; потомъ будетъ заключать и разсуждать

Что есть раздѣленіе? оно есть дѣленіе рода на виды, цѣлаго на части, припадковъ на причины, а *причинъ* на припадки: симъ только однимъ средствомъ приобрѣтается понятіе о существѣ.

Что есть опредѣленіе? Какъ оно дѣлается? Начиная отъ рода; переходя къ самоближайшему различію, и низходя оттуда къ виду.

Три рода есть рѣшеній: перьвое, восходитъ отъ чувствуемыхъ къ разумѣваемымъ; второе бываетъ по доказательству; третее по предположенію.

Оратору надлежитъ знать человѣка, различія человѣческаго рода, разныя виды изреченій; побужденія ко увѣренію, и выгоды происходящія отъ обстоятельствъ; сіе то составляетъ искуство краснорѣчія.

Дол-

Должно вѣдать, какимъ образомъ Софисмъ береть на себя характиръ истины.

Знанїе словъ и причина названія или произведенія оныхъ не несвойственны суть Дїалектикѣ.

Объ умственной Платоновой философїи, и первоначально о Богословїи его: ни что не дѣлается изъ ничего.

Двѣ суть причины вещей; одна, изъ которой онѣ суть, другая, которою онѣ суть. Сїя есть богъ, а другая есть вещество. Богъ и вещество суть вѣчны и равномѣрно по существу и бытїю своему ни отъ кого не зависящїе.

Вещество пространствомъ и пребываніемъ своимъ есть безконечно.

Вещество не есть тѣло; однако всѣ тѣла суть изъ онаго.

Въ веществѣ есть нѣкая сила слѣпая, грубая, необходимая, врожденная, нагло движущая оное, и отъ которой не можетъ оно совершенно свободиться. Она есть такое препятствїе, котораго самъ богъ не могъ преодолѣть. И сея ради вины не создалъ онъ того, что понимается лучшимъ. Оттуда про-

испе-

истекаютъ всѣ несовершенства, и всѣ зла. Зло есть нужное, однако сколь возможно поменьше есть онаго въ свѣтѣ.

Богъ есть начало благости противящейся злости вещества. Онъ есть вина, которою вся суть; источникъ существъ бытїе свое отъ самихъ себя имѣющихъ, духовныхъ и совершенныхъ; первое начало; великїй художникъ, и всеобщїй чиноположникъ.

Трудно разуму возвыситься даже до него. Опасно человѣку разглашать то, что объ немъ постигнуто.

Весьма ясно можно доказать бытїе и свойства его.

Оно открывается тому, кто вопрошаетъ самого себя, и тому, кто возведши очи свои горѣ съ нѣкоторымъ вниманїемъ смотритъ на вселенную.

Богъ есть вина безплотная, постигаемая одною только мыслїю.

Онъ свободенъ, могущъ, премудръ, располагаяй веществомъ столько, сколько существо онаго дозволяетъ.

Онъ есть благъ; существо благое, и зависти непричастное; слѣдовательно

онъ

онъ хотѣлъ, чтобъ все было доброе; и чтобъ не было зла, кромѣ котораго отвратить было ему не возможно.

Кто руководствовалъ ему въ строеніи мїра? Вѣчный образецъ, который былъ, и нынѣ есть въ немъ, и который не премѣняется никогда.

Сей вѣчный образецъ; сія перьвая вина вещей, сей разумъ содержитъ въ себѣ образцы, вины и начала всѣхъ протчихъ: сіи образцы суть вѣчны сами по себѣ, присущны; и имущіе начертанія существа вещей преходящихъ и премѣняющихся.

Когда богъ далъ видъ веществу, и восхотѣлъ быть мїру, то вселилъ во оное душу.

Боги суть несозданные, и созданные.

Созданные не суть по своему существу ни вѣчны, ни безсмертны, ниже неразрушимы; но они пребываютъ и пребудутъ всегда дѣйствїемъ хотѣнїя божїя, которое сохраняетъ и сохранитъ ихъ.

Суть духи, которыхъ естество среднее, есть между естествомъ божескимъ и человѣческимъ.

Они

Они переносятъ божеская къ человѣку, а человѣческая ко богу. Возносятъ моленія и жертвоприношенія наши горѣ, и низводятъ намъ благодати и вдохновенія.

Вѣчное существо, боги нижшіе его, однако равно съ онымъ вѣчные, боги созданные, духи, человѣки, животныя, существа вещественныя, вещество, провидѣніе, сущь всеобщая цепь.

О физикѣ Платоновой. Ничто не бываетъ безъ причины.

Художникъ имѣетъ въ умѣ своемъ образецъ своея работы; онъ работая устремляетъ глаза свои на оный, и понятіе объ ономъ производитъ въ дѣйство.

Когда міръ есть, то происходитъ онъ отъ нѣкотораго начала.

Онъ есть великая махина сама собою движущаяся.

Онъ есть одинъ, потому что онъ есть все.

Онъ есть тѣлесный, видимый и осязаемый: однако ничего не можно видѣти безъ огня, ни осязати безъ твердости.

Твердости нѣтъ безъ земли: слѣдовательно богъ въ началѣ создалъ огнь и землю, послѣдиже воду, служившую средствомъ къ соединенїю земли и огня.

Потомъ оживотворилъ онъ глыбу.

Душа повелѣвала, глыба повиновалася, глыба была чувствуема. Душа распростершаяся неподвержена стала чувствамъ; ее по одному только дѣйствїю ея постигнуть можно.

богъ восхотѣлъ, чтобъ душа мїра была вѣчна; чтобъ глыба мїра была вѣчна; и чтобъ сложенное изъ души и глыбы было также вѣчно. Но какъ сопрягъ онъ вѣчность съ дѣйствительно созданнымъ и противящимся сему свойству естествомъ своимъ? Сїе сотворилъ онъ посредствомъ движимаго образа пребыванїя, который называемъ мы временемъ. Онъ извлекъ образъ сей изъ вѣчности, которая есть едина, и одѣялъ онымъ мїръ.

Тѣла имѣютъ глубину: глубина сложена есть изъ поверхностей, поверхности всѣ обращаются въ треугольникъ: слѣдовательно стихїи суть треугольныя.

Твер-

Твердѣйшая фигура есть кубикъ. Земля есть подобна кубику; огнь подобенъ треугольнику; воздухъ фигурѣ имѣющей осмь угловъ; вода фигурѣ имѣющей двенадцать угловъ.

Фигуры, числа, движенїя, силы, были распоряжены самымъ приличнѣйшимъ образомъ естеству вещества.

Движенїе, есть едино; оно принадлежитъ верховному разуму, и раздѣляется на семь видовъ.

Движенїе или круглое обращенїе мїра происходитъ отъ движенїя вездѣ и во всемъ сущаго.

Мїръ имѣетъ свои (*) перїоды. По совершенїи сихъ перїодовъ возвращается онъ въ первобытное свое состояніе, и великїй годъ начинается паки.

Луна, солнце и прочїя планеты созданы для того, что бъ освѣщали землю и измѣряли продолженїе времени.

Кругъ находящїйся выше земли есть лунный; кругъ же находящїйся выше луны есть солнечный.

(*) *Перїодъ* въ звѣздочетствѣ значитъ время, въ которое планета совершаетъ свое обращенїе, или пребыванїе бѣга ея, начавъ съ того времени, какъ она отъ извѣстной точки неба пойдетъ, даже до того, когда возвратится паки къ тойже самой точкѣ.

Генеральный кругъ влечетъ ихъ всѣхъ общимъ движенїемъ, между тѣмъ какъ каждый изъ оныхъ движется въ смыслѣ противномъ общему движенїю.

Земля питающая насъ повѣшена есть на осѣ. Она есть жилище свѣта и тьмы; она самая древнѣйшая изъ созданныхъ божествъ во глубинѣ неба.

Первая вина оспавила произведенїе животныхъ подчиненнымъ богамъ, которые подражали плодородной ея силѣ: она родила боговъ, а боги родили животныхъ.

Оттуда поступаетъ Платонъ къ изъясненїю, какимъ образомъ другїя произведены тѣла, *смотри ТИМЕЙ.*

О душѣ по мнѣнїю Платонову, или о *психологїи его*: богъ оставивъ созиданїе человѣка подчиненнымъ богамъ, влїялъ во всеобщую глыбу, оную безсмертную и божественную отрасль, которая долженствовала быть изображенїемъ ихъ, и оживотворилъ существо опредѣленное къ познанїю правды и къ жертвоприношенїю.

Сїя отрасль повреждена была соединенїемъ своимъ съ веществомъ. Оттуда началося нравственное зло, страсти, поро-

пороки, добродѣтели, печаль, мученія, казни и воздаянія будущія.

Душа имѣетъ три различныя части, и каждая изъ сихъ частей имѣетъ свое жилище: безплотная часть обитаетъ въ головѣ, похотствующая въ сердцѣ, душевная между перепонкою и пупомъ. Первая начальствуетъ надъ разумомъ, вторая надъ страстями, третія надъ душевными званіями.

Душа есть безсмертна, она есть начало движенія. Она движется, и движетъ все прочее. Она есть основаніе жизни; она упражняется въ вещахъ пребывающихъ, вѣчныхъ, безсмертныхъ, сходныхъ съ ея естествомъ: она воспоминаетъ знанія, которыя имѣла прежде соединенія своего съ тѣломъ.

Богъ прежде заключенія душъ въ сію темницу тѣла, говорилъ имъ, что ежели онѣ будутъ вѣрно повиноватися законамъ необходимости и провидѣнія, которымъ онъ ихъ покорилъ; то получатъ нѣкогда въ воздаяніе блаженство безконечное.

Смотри, говоритъ Платонъ о сотвореніи тѣла въ разговорѣ, на которой мы уже ссылалися.

Платонъ Маѳиматическія науки поставлялъ самымъ надежнѣйшимъ средствомъ къ тому, чтобъ приучить человѣка къ повсѣмстственностямъ и отвлеченіямъ, и возвести его отъ чувствуемыхъ вещей къ разумѣемымъ.

Хотя звѣздочетство и музыку много почиталъ; но приведеніе разума въ совершенство и исполненіе добродѣтели всегда были у него главнымъ предметомъ, къ которому онъ ихъ относилъ. Онъ былъ Ѳеософъ по преизяществу.

О исполнительной Платоновой философіи, и въ началѣ о нравоученіи его.

Богъ есть верховное благо.

Познаніе и подражаніе верховному благу есть самое величайшее благополучіе человѣческое.

Человѣкъ не инако, какъ тогмо душею можетъ пріобрѣсти нѣкоторое сходство съ богомъ.

Красота, здравіе, сила, богатства, достоинства, въ разсужденіи только употребленія ихъ могутъ щитаться добромъ: они дѣлаютъ худыми людей во зло употребляющихъ оныя.

Естество одарило извѣстными высокими качествами пѣхъ, коихъ опредѣлило къ философскому состоянїю. Они будутъ нѣкогда сидѣть при столѣ боговъ. Тамъ познаютъ они истинну, и будутъ смѣяться глупости тѣхъ, которые попущаютъ играть собою мечтанїямъ.

Одно только честное есть добро.

Добродѣтель должно предпочитать всему, потому что она есть вещь божественная: ей не можно научитися; но дается она отъ бога.

Умѣющїй быть добродѣтельнымъ, умѣетъ быть благополучнымъ посредѣ поношенїя, и во изгнанїи презирая смерть и всѣ происходящїя отъ нея страхи.

Дай человѣку все, кромѣ добродѣтели, однако тѣмъ не сдѣлаешь ты ни чего для его благополучїя.

Одно только есть главнѣйшее правило, а именно: должно стараться уподобитися богу.

Богу уподобляются постепенно, перьвая степень есть подражать добрымъ духамъ, и имѣть ихъ мудрость, правду и воздержанїе.

Надлежитъ быть увѣреннымъ о дѣйствительномъ веществѣ своего состоянія, и взирати на тѣло какъ на темницу, изъ которой душа смертію свободившися, преселится, къ существенному и истинному познанію, ежели человѣкъ былъ щастливо рожденъ, ежели получилъ хорошее воспитаніе, добрые нравы, и мнѣнія сходственныя съ повсѣмственнымъ закономъ, и ежели поступалъ по правиламъ премудрости.

Неминуемое дѣйствіе сихъ качествъ будетъ то, что побудятъ его отставъ отъ чувствуемыхъ человѣческихъ вещей прилѣпитися къ умозрѣнію разумѣемыхъ.

Такое то есть приготовленіе ко щастію, которое начинаютъ Математическими науками.

Послѣдующіе успѣхи состоятъ во укрощеніи страстей и въ пріобучиваніи себя къ философскому уроку, или ко упражненію въ добродѣтели.

Добродѣтель есть самая лучшая и самая совершеннѣйшая склонность души, украшающая ея, и раждающая въ ней постоянство и твердость съ любовію къ соблюденію истинны въ поступкахъ и разго-

разговорахъ уединенныхъ, или бывающихъ со другими.

Каждая добродѣтель имѣетъ свою часть въ душѣ, надъ которою она начальствуетъ; мудрость начальствуетъ надъ частію разсуждающею; крѣпость надъ ярящеюся; воздержаніе надъ хотящею.

Мудрость есть знаніе добрыхъ, худыхъ и среднихъ вещей; крѣпость, законное храненіе легкаго или труднаго опредѣленія; воздержаніе, покореніе страстей разуму. Справедливость собенное согласіе сихъ трехъ добродѣтелей, въ слѣдствіе котораго каждая часть души въ свойственномъ себѣ упражняется наиприличнѣйшимъ образомъ достоинствѣ произхожденія ея. Разумъ повелѣваетъ, а все протчее повинуется.

Добродѣтели столь тѣснымъ союзомъ между собою сопряжены, что разлучить ихъ не возможно: согрѣшающій есть неправеденъ, не разсудителенъ и невѣжда. Не льзя статься, что бъ человѣкъ въ одно время былъ разуменъ, не воздержень и малодушенъ.

Добродѣтели суть совершенны; они ни умножаются, ни умаляются: сіе свойственно токмо пороку.

Страсть есть слѣпое движенїе души пораженной добрымъ, или худымъ предмѣтомъ.

Страсти не къ разсуждающей части принадлежатъ: поэтому и раждаются и преходятъ оныя не по нашей воли.

Страсти одни суть грубыя и жестокїя, а другїя кроткїя.

Вожделѣнїе, печаль, гнѣвъ, соболѣзнованїе, суть изъ числа послѣднихъ; онѣ принадлежатъ къ человѣческому естеству; и тогда только начинаютъ быть порочными, когда становятся чрезмѣрны.

Страсти грубыя и жестокїя не обрѣтаются въ естествѣ; онѣ раждаются отъ нѣкоего поврежденїя; таковое есть нечеловѣколюбїе.

Богъ сдѣлалъ насъ способными къ веселїю и къ скорьби.

Скорьби суть тѣлесныя, душевныя, не праведныя, поносныя, справедливыя, помѣрныя, противныя добру, и другїя сходствующїя съ онымъ.

Дружество есть взаимная благосклонность, дѣлающая два существа о благоденствїи другъ друга равномѣрно

пекущимися; равенство возстановляется и сохраняется сходствомъ нравовъ.

Любовь есть нѣкоторый родъ дружбы.

Любви есть три рода: любовь безчестная и скотская, любострастіе плотское единственнымъ для себя предмѣтомъ поставляющая; любовь честная и непорочная, которая на одни только душевныя качества взираетъ; и любовь средняя, душевною купно и тѣлесною красотою наслаждаться желающая.

О политикѣ Платоновой: Должности гражданъ въ обществѣ, подобно должностямъ членовъ тѣла, состоятъ въ томъ, что бъ охранять, защищать, и служить оному. Стражи общества бдятъ и повелѣваютъ; защитники онаго пріемлютъ оружіе и сражаются; служащіе же ему разсѣянны суть по всѣмъ другимъ званіямъ.

Общество наиблагополучнѣйшее есть то, въ которомъ самовластный Философъ знаетъ первое благо.

Люди по тѣхъ поръ станутъ жить бѣдными, пока Философы не будутъ царствовать, или пока тѣ, которые не имѣя вдохновенія божія царствуютъ, не сдѣлаются Философами.

Обще-

Общество можетъ принять на себя пять разныхъ видовъ; *Аристократїю*, въ которой малое число вельможъ правительствуетъ; *Тимократїю*, въ которой повинуются честолюбивымъ; *Демократїю*, въ которой самодержавную власть имѣетъ народъ; *Олигархїю*, въ которой ввѣряется оная нѣсколькимъ; и *Тираннїю*, или правленїе одного, которое есть самое хужшее изо всѣхъ.

Ежели правленїе погрѣшаетъ, то должно оное исправить: что сдѣлаетъ искуство многихъ всякаго возраста, и всякаго состоянїя людей, которыхъ равныя пользы, удержатъ между собою равновѣсїе.

Общее употребленїе женъ можетъ имѣть мѣсто въ совершенномъ только обществѣ.

Добродѣтель политическаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобъ обращать мысли и дѣйствїя свои ко благополучїю общества.

О преемникахъ Платоновыхъ: Заступившїе мѣсто Платоново не всѣ строго придержалися его ученїя. Философїя его разнымъ подвержена была перемѣнамъ, которыя раздѣлили Академїю

на

на древнюю, среднюю, новую и послѣднюю. Древняя Академія была истинныхъ *Платониковъ*, въ числѣ которыхъ щитаются Спейсиппъ, Ксенократъ, Полемонъ, Кратитъ, и Кранторъ; средняя тѣхъ, которые хотя и удержали мнѣнія первыхъ, однако завели прѣніе, о слабости ума человѣческаго, и о неизвѣстности нашихъ познаній; между сими находятся Аркесилай, Лакидъ, Евандръ, и Егесинъ; новая основана была Карнеадомъ и Клитомахомъ, и раздѣлилася потомъ на четвертую и пятую; сея начальниками были Филонъ и Хармидъ, а оныя Антіохъ.

О первой или древней Академіи, или о истинныхъ Платоникахъ. О *Слейсиллѣ*: Сей Философъ занялъ мѣсто Платона дяди своего: онъ былъ человѣкъ нрава тихаго; къ Ласѳеніи и къ Аксиоѳѣ ученицамъ своимъ имѣлъ большую склонность, нежели бы приличествовало больному Философу. Однажды, какъ несли его въ качалкѣ въ Академію, встрѣтился съ нимъ Діогенъ, который на привѣтствіе его отвѣтствовалъ ему попреканіемъ за то, что терпитъ стыдъ живучи въ толь бѣдномъ состояніи. Пораженный параличемъ наименовалъ онъ себѣ

наслѣ-

наслѣдникомъ Ксенократа. Говорятъ, что онъ скончался въ объятіяхъ женщины; отъ слушателей своихъ требовалъ подати; любилъ деньги; сочинилъ поемы, которыя всякому читалъ за заплату, хотя оныя служили больше къ развращенію добрыхъ нравовъ. Однако можно ненавистныя сіи оболганія отринуть, яко не имѣющія другаго поручительства кромѣ засвидѣтельствованія Діонисія Сиракузскаго, который ненавидѣлъ, гонилъ и поносилъ Платона, и который можетъ быть не съ большею справедливостію поступалъ и въ разсужденіи Спейсиппа, родственника Платонова, врага тираніи, и друга Діонова, коего Діонисіевы угрозы содержали во изгнаніи. Аристотель купилъ сочиненія Спейсипповы за три таланта: сія цѣна была чрезвычайна, но по видимому уравненна достоинству, которое онъ имъ приписывалъ; или ненависти, которую имѣлъ къ *Платонисму*, такому роду Философіи, который старался онъ во все истребить, во что бы то ни стало, и какимъ бы то ни было средствомъ. Спейсиппъ трудился надъ примѣчаніемъ того, что знанія имѣютъ общее, надъ соединеніемъ оныхъ, и надъ изъясненіемъ однихъ посредствомъ другихъ. Онъ по-

слѣдо-

слѣдовалъ стопамъ Пиѳагоровымъ; раздѣлилъ предмѣты на чувствуемые и разумѣемые, и сравнивалъ чувства съ искусными перстами играющими на флейтѣ. Впрочемъ о щастіи, истиннѣ, добродѣтели, и обществѣ разсуждалъ онъ согласно съ Платономъ, отъ котораго не столько мыслями, какъ выраженіемъ разнствовалъ.

Ксенократъ родился въ девятьдесятъ пятой Олимпіадѣ; разумомъ былъ медленъ и тутъ. Платонъ сравнивалъ его съ лѣнивымъ осломъ, котораго должно понуждать шпорами; а Аристотеля съ бѣшеною лошадью, которую надлежитъ удерживать уздою. Имѣлъ онъ нравъ грубый и видъ угрюмый; учитель его, не престанно совѣтовалъ ему приносить жертву граціямъ. Онъ самъ сравнивалъ себя съ сосудомъ имѣющимъ тѣсное устье, который хотя съ трудомъ принимаетъ въ себя, но принятое хранитъ вѣрно. Изрядно Діонисіеву двору показалъ онъ себя быть способнымъ къ преданности и благодарности, съ неустрашимостію говоря Тиранну, что не можно покуситься на жизнь Платонову, не покусився прежде на жизнь Ксенократову. Весьма строго сообразовался наставленію

и

и ученїю Академїи. Представлялъ Платона, непорочностїю нравовъ и важностїю поведенїя своего и разговоровъ. О правдивости его толь великое имѣли мнѣніе, что призваннаго во свидѣтельство уволили Судїи отъ присяги. Отправленный посломъ къ Филиппу Македонскому не искусился дарами сего государя, и постоянно отрекся имѣть съ нимъ тайное сношенїе. При другихъ не меньше важныхъ обстоятельствахъ служилъ онъ своему отечеству вѣрно, не причинивъ ни малѣйшаго ущербу цѣлости онаго. Отослалъ обратно Александру большую часть пятидесяти талантовъ присланныхъ ему отъ него. По сихъ знакахъ некорыстолюбїя не дивно, что онъ былъ убогъ, и что нашелъ себя не въ состоянїи заплатить подать, которую собираютъ въ Аѳинахъ съ ѣздившихъ въ чужїе краи; однако то удивительно, что за не платежъ оныя тѣ самые Аѳиняне, у коихъ онъ столь справедливо заслужилъ себѣ почтенїе, продали его, и что онъ не инако возвратился въ отечество, какъ благотворенїемъ Димитрїя Фалерейскаго, который его выкупилъ. Фринея бившаясь объ закладъ съ нѣкоторыми молодыми распустнаго житїя людьми въ томъ, что его прельстить, потеряла высокое мнѣніе,

кое имѣла о своихъ прелестяхъ, предразсужденїе принятое ею о слабости Ксенократовой, и деньги положенныя подъ сохраненїе; однако она взяла свои деньги обратно, сказуя, что обязывалася тронуть человѣка, а не статую. Надобно, что бъ возмогшїй противиться Фринеи былъ не въ состоянїи, или почитался таковымъ. О Ксенократѣ думали, что онъ привелъ себя въ безопасность отнятїемъ у себя опредѣленныхъ къ похоти удовъ за долго передъ тѣмъ, какъ надлежало ему препроводить ночь вмѣстѣ со славною блудницею. Его почитали самые дѣти на улицахъ, присутствїе его приостанавливало ихъ игры. Онъ былъ человѣкъ молчаливый. Онъ говаривалъ, что неоднократно случалося ему жалѣть о томъ, что говорилъ; а ни когда о томъ, что молчалъ. Прославился своею кротостїю, трезвостїю и всѣми добродѣтелями, отличающими добраго человѣка и Философа. Пожилъ лѣта долга безпорочно. Не принималъ въ свое училище, какъ сосуда неимѣющаго руковятокъ, того, кто не разумѣлъ землемѣрїя, звѣздочетства и мусики. Опредѣлилъ Риторику такъ, какъ Платонъ. Раздѣлилъ философїю на Логику, Фисику и нравоученїе. Утверждалъ, что Дїалектику надлежитъ начинать

чинать описанїемъ словъ. Различилъ предмѣты на чувствуемые, разумѣемые, и сложенные, а познанїе на знанїе, чувствованїе, и умствованїе. Ученїе свое о богахъ сравнилъ съ ученїемъ о числахъ, съ монадою или единицею, которую называлъ *Богомъ*, съ числомъ два, изъ котораго дѣлалъ божество женскаго пола, и съ не равнымъ, которое было Юпитеръ. Признавалъ подчиненныя силы, какъ то небо и звѣзды, и духи разсѣянные по всему составу вселенныя, и почитаемые у людей подъ именемъ Юноны, Нептуна, Плутона, и Цереры. По мнѣнїю его, душа движущаяся сама собою есть число. Воображалъ три различныя густоты; звѣзды и солнце составлялъ изъ огня, и изъ перьвой густоты; луну изъ особаго воздуха, и изъ второй густоты, землю же изъ воздуха и воды, и изъ третей густоты. Душа не можетъ имѣти ни густоты ни жидкости. Онъ говорилъ, что все сущее есть или благое, или злое, или среднее; добродѣтель преимущественнѣе жизни самаго величайшаго блага и пр: скончался поживъ восемдесятъ два, или восемдесятъ четыре года.

Полемонъ былъ изъ числа тѣхъ изрядныхъ мотовъ, которыми городъ

Аѳины

Аѳины преизобиловалъ. Въ одинъ день вышедши онъ при восхожденіи солнца отъ блудницы, съ которою препроводилъ ночь, упоенный любовію и виномъ, имѣя растрепанные волосы, ноги скользящіе, платье не порядочно надѣтое, грудь обнаженную, сапоги не подтянутые и до половины разодранные, вѣнокъ въ лоскуткы изорванный и неправильно на голову возложенный, увидѣлъ дверь Ксенократова училища отворенную; вшелъ во оное, сѣлъ, издѣвался надъ Философомъ и его учениками. Мнѣнія, какія имѣли во ономъ о благополучіи, весьма не сходствовали со мнѣніями молодаго сего человѣка, который отдалъ бы жизнь свою за одинъ стаканъ Хійскаго вина и за поцалуй своей любовницы. Ксенократъ не смутился; онъ оставилъ тотъ часъ матерію, которую слушателямъ своимъ предлагалъ, и началъ говорить о смиренномудріи и воздержаніи. Сперьва важность Философова убавила рѣзвости юнаго своевольца, и вскорѣ здѣлала его внемлющимъ ему. Полемонъ замолчалъ, слушалъ, былъ тронутъ, стыдился своего состоянія, и тогдажъ видѣли его, по мѣрѣ, какъ говорилъ Философъ, смущающагося, наклоняющагося по тихоньку, подтягивающаго свои сапоги, прикрывающаго

плащемъ обнаженныя свои рамена, и бросающаго далеко отъ себя свой вѣнокъ. Съ сея минуты провождалъ онъ самую спрожайшую жизнь; оставилъ употребленіе вина; упражнялся въ терпѣніи, и успѣлъ во ономъ столько, что уязвленный въ лядвею бѣшеною собакою, соблюлъ свое спокойствіе среди толпы людей собравшихся смотрѣть на сіе приключеніе, и пришедшихъ отъ онаго въ ужасъ. Любилъ уединеніе столько, сколько склоненъ былъ къ задумчивости. Удалился въ малинькой садикъ, гдѣ ученики его построили себѣ хижины во кругъ его рощи. Онъ былъ любимъ своимъ учителемъ, и учениками, и почитаемъ своими согражданами. Онъ обучалъ Кранатора, Кратита Стоика, Зенона и Аркесилая. Философія его была исполнительная. Надлежитъ, говорилъ онъ, болѣе дѣлать, нежели размышлять. Жить по правиламъ естества; подражать богу; учиться стройности вселенныя, и вводить оную въ свои поступки. Онъ умеръ чахоткою въ глубокой старости.

Кратитъ Аѳинянинъ вступилъ на мѣсто Полемона учителя и друга своего. Никогда два человѣка не были крѣпчайшимъ и пріятнѣйшимъ сопряжены союзомъ,

зомъ, какъ сіи два. Они имѣли равныя склонносіпи, равныя ученія, одни упражненія, одни забавы, одни мнѣнія, одни добродѣтели, одни нравы, и по смерти положены были во единомъ гробѣ. Крапиппъ писалъ о Философіи, сочинилъ театральныя шпучки, и оспавилъ рѣчи. Аркесилай и Віонъ Борисѳенитъ, прославилися въ его училищѣ. Многіе Философы имѣли одно съ нимъ имя, съ которыми не надлежитъ его смѣшивать.

Кранторъ вступилъ въ Академію послѣ Полемона. Онъ былъ Философъ и спихотворецъ драммапическій. Сочиненіе его, *de luctu* (о *плачѣ*) было въ великой славѣ. Цицеронъ предалъ намъ печальныя онаго мнѣнія въ книгѣ своей о *утѣшеніи*. Ученіе его не разнспвовало опъ ученія Платонова. Онъ говорилъ: что жизнь человѣческая есть не прерывная связь бѣдспвій, которыя мы сами на себя навлекаемъ, или на которыя естество осудило насъ. Здравіе, роскошь и богатства суть добра, однако весьма различныя цѣны. Нечувствованіе болѣзни есть преимущеспво, споющее весьма дорого: оно не инако получается какъ покмо жестокостію души, или нечувспвенностію пѣла. Академія древняя

вняя или первая кончилася на Кранторѣ.

О средней Академіи. Аркесилай есть основатель ея. Онъ родился въ первое лѣто сто шестнадцатыя Олимпіады; математическимъ наукамъ обучался у Автолика, музыкѣ у Ксанѳа, землемѣрію у Иппоника, краснорѣчію и стихотворству у разныхъ учителей; напослѣдокъ Философіи въ училищѣ Ѳеофрастовомъ, которое оставивъ слушалъ Аристотеля, а сего оставивъ слушалъ Полемона. Онъ по смерти Крантора училъ въ Академіи. былъ человѣкъ краснорѣчивъ, и могущій преклонити всякаго своею рѣчью. Не щадилъ никакого порока въ своихъ ученикахъ, однако имѣлъ ихъ много. Онъ ихъ любилъ, и спомоществовалъ имъ въ нуждѣ. Философія его не была сурова. Не таилъ своея склонности къ блудницамъ, Ѳеодорѣ и Филиппѣ. Его попрекаютъ такъ же пьянствомъ и порочнымъ обращеніемъ съ пригожими мальчиками; но ежели судить о семъ по постоянству оказанному имъ въ терпѣніи болѣзней, которыя причинялъ ему ломъ въ костяхъ, то кажется, что не можно было роскоши растлить его бодрости. Жилъ далече отъ общихъ дѣлъ

затворенный въ своемъ училищѣ. Ему поставляютъ въ вину союзъ его съ Іероклиномъ. Умеръ въ безумствѣ на семдесятъ пятомъ году своего житія. Онъ возбудилъ ревность въ Зенонѣ, Іеронимѣ Перипатитикѣ и Епикурѣ. Философія Академическая перемѣнила свой видъ при Аркесилаѣ. Для пріобрѣтенія нѣкотораго понятія о сей перемѣнѣ надлежитъ припомнить:

1. Что Академики не принимали никакого извѣстнаго знанія чувствуемыхъ вещей, или вещества, существа пребывающаго въ теченіи и всегдашней перемѣнѣ; откуда заключали они, что должно имѣть умѣренность во утвержденіяхъ, осторожность противу предразсужденій, испытаніе, терпѣніе и сомнѣніе.

2. Что имѣли они двоякое ученіе, Есоперическое и Екзоперическое; что опровергали умствованія другихъ Философовъ въ публичныхъ своихъ ученіяхъ, что однако собственныя свои мнѣнія объявляли токмо на единѣ.

3. Что во время Сократово Аѳины заражены были ложнымъ ученіемъ Со-

 фистовъ,

фистовъ, и что Сократъ не находилъ лучшаго средства къ приведенію во омерзѣніе у своихъ сограждан сихъ тщеславныхъ людей, кромѣ того, что бъ притворно оказывать незнаніе и сомнѣніе, вопрошать ихъ о томъ, что лучше ихъ зналъ, и тѣмъ самымъ смущать и приводить ихъ въ посмѣяніе.

4. Что сіе притворное Сократово сомнѣніе произрастило въ нѣкоторыхъ ученикахъ его дѣйствительное недоумѣніе о чувствахъ, о совѣсти и объ опытѣ, такихъ трехъ свидѣтельствахъ, на которыя Сократъ непрестанно ссылался.

5. Что оттуда произшелъ родъ Философіи скучной, слѣдственной и колкой, которую сперьва преподавали въ Діалектическихъ, Мегарическихъ и Еретріаческихъ училищахъ, въ коихъ жаръ словопрѣнія весьма долгое время пребывалъ.

6. Что *Платонъ*, человѣкъ здраваго вкуса, великаго разсужденія, высокаго и проницательнаго ума, позналъ тотчасъ негодность сихъ школьныхъ словопрѣній, обратился къ важнѣйшимъ предметамъ,

и

и помышлялъ ввести во употребленїе разума, родъ воздержанїя, полагая въ предмѣтахъ, о коихъ разсуждается, различїе между тѣми, которые можно хорошо познавать, и тѣми, о которыхъ можно только умствовать.

7. Что во время Аркесилая, Ксенократа и Аристотеля возстало новое училище, въ которомъ опровергаемы были всѣ вѣдомыя Системы, и на развалинахъ оныхъ утверждаемо было ученїе о совершенной слабости ума человѣческаго, и о всеобщей неизвѣстности всѣхъ нашихъ познанїй.

8. Что посреди сего множества противныхъ толковъ, Философїя Платонова начала претерпѣвать нѣкоторую перемѣну; что молчанїе о ученїи Есотерическомъ не сохранено; что оставленное для исправленїя, приведено было въ непорядокъ и замѣшательство въ разумахъ, и что за лучшее почтено переучить худо обученныхъ, нежели обучать тѣхъ, кои можетъ быть не будутъ столько понятны.

Сїе то побудило Аркесилая обратиться паки къ Сократову образу ученїя,

нія, притворному незнанію, иронїи и сомнѣнію. Сократъ употребилъ оныя противу Софистовъ, а Аркесилай противъ полуфилософовъ Платоническихъ или другихъ.

Начальныя правила Философїи Аркесилаевой. Не можно знать ничего, кромѣ одной вещи, которую Сократъ оставилъ про себя, сирѣчь: что ни кто незнаетъ ничего; да и сїя самая вещь есть еще неизвѣстна.

Все утаенно отъ человѣка; онъ не видитъ ни чего, и не понимаетъ ничего. Слѣдовательно не должно прилѣплятися ни къ какому училищу; ни признавать какой либо системы, ниже утверждать что; но удерживаться и блюсти себя отъ той преходящей неразсудной дерзости, съ которою утверждаютъ о вещахъ со всѣмъ невѣдомыхъ, и разглашать аки истинны, вещи самыя ложнѣйшїя.

Ничего нѣтъ срамнѣе въ разумномъ существѣ, какъ утверждать и доказывать, не выразумѣвъ и не постигнувъ прежде.

Фило-

Философъ можетъ востать противу всѣхъ прочихъ, и опровергать ихъ умсіпвованія, по крайней мѣрѣ столъже сильными причинами, какія предлагаюпся отъ нихъ въ доказательство.

Чувство обманываетъ. Разумъ недостоинъ вѣроятія.

Сомнѣніе есть весьма справедливое, что принадлежитъ до Философическихъ вопросовъ: однако не должно онаго относить къ житейскимъ вещамъ.

Изъ сего видно, что Академикъ средняя Академіи весьма мало разнствуетъ отъ Скептика; что нѣтъ ни на волосъ разности между Пирроновою и Аркесилаевою Системою; и что Аркесилай не непозволялъ поступать по начальнымъ онаго правиламъ въ разсужденіи правды, блага, зла, нравовъ и сообщества; но что онъ почиталъ токмо оныя за орудія весьма способствующія ко укрощенію непомѣрной гордости Софистовъ своего времени.

Лакидъ Киринейскій принялъ ученіе Аркесилаево. Онъ учредилъ свое пребываніе въ садахъ Академіи въ четвертое лѣто сто тридцать четвертой Олимпіады; гдѣ училъ двадцать пять лѣтъ.

Учени-

Учениковъ имѣлъ мало. Многіе оставивъ его послѣдовали Епикуру; предпочитая Философа проповѣдующаго удовольствіе души и чувствъ тому, который отвергалъ свѣтъ оныя и свидѣтельство сихъ; сверхъ того Лакидъ не имѣлъ такого краснорѣчія, ни такого остроумія, ниже такой силы, съ какою Аркесилай разнесъ смятеніе между Діалектиками, Стоиками и Догматиками. Онъ уступилъ свое мѣсто двумъ своимъ ученикамъ Телеклу и Евандру; по Евандрѣ насталъ Игесинъ Пергамскій, а по немъ Карнеадъ, бывшій главою новыя Акадиміи.

О новой Академіи или третьей, четвертой и пятой. Аѳиняне народъ былъ вѣтреной, гдѣ стихотворцы не пропущали ни одного случая, способнаго къ приведенію Философовъ въ посмѣяніе; гдѣ Философы старалися вывесть на ружу невѣжество сіи стихотворцовъ, и сдѣлать ихъ презрѣнія достойными; и гдѣ прочіе какъ тѣхъ, такъ и другихъ принимали по ихъ словахъ, и забавлялися ими; оттуда то произошло множество худыхъ повѣстей, которыя Аѳиней, Діогенъ Лаерцій, и другіе прежде и послѣ ихъ писавшіе касающуюся до наукъ Исторію о Греціи предали намъ. Надлежитъ признаться, что

что Философія, поставлявшая человѣка ниже скота, лишая его всѣхъ средствъ къ познанію истинны, изрядный праздныхъ и злымъ людямъ подавала поводъ къ издѣвкамъ.

Карнеадъ родился въ третіе лѣто сто сорокъ первыя Олимпіяды. Діалектикѣ учился у стоика Діогена; для того неоднократно въ словопрѣніи говаривалъ: или я тебя переспорю, или Діогенъ возвратитъ мнѣ мои деньги. Онъ былъ изъ числа тѣхъ, которыхъ Аѳиняне, по причинѣ произшедшаго спора о городѣ Оропѣ, посылали въ Римъ. Краснорѣчіе его было быстрое и сильное, Критолаево постоянное и крѣпкое, Діогеново умѣренное и смиренномудренное. Сіи три мужа говорили предъ Римлянами, и удивили ихъ. Карнеадъ говорилъ о справедливости въ похвалу и во опроверженіе оныя въ присутствіи Галбы и Катона Ценсора; и Цицеронъ объявляя доводы Карнеадомъ противоположенные понятію о справедливости и несправедливости не смѣетъ льстить себя надеждою разрушить оные, почитаетъ весьма щастливымъ, естьли возможетъ приступить ихъ и утвердить общаго правленія законы, основанія которыя потрясъ

Грече-

Греческій Философъ. Какъ бы то ни было, однако Карнеадъ былъ не благоразуменъ. Матерія его худо была избрана, и не льзя было уповать, что бъ строгія римскія власти благосклонно приняли искуство, дѣлающее самыя важнѣйшія истинны сомнительными. Какъ, Катонъ Ценсоръ имѣлъ терпѣніе слушать того, который внутреннему состоянію дѣяній приписывалъ лживость? Карнеадъ былъ страшный человѣкъ. Онъ имѣлъ совокупно остроумїе, силу, проворство, изобилїе, знанїе, проницательность; словомъ всѣ качества, которыми одаренный можетъ по своей волѣ обращать слушателей. Начальныя его правила не много разнствовали отъ правилъ Аркесилаевыхъ. По мнѣнїю его:

Нѣтъ у насъ ни одного неопровергаемаго средства къ познанїю истинны, ни разума, ни чувствъ, ни воображенїя; нѣтъ ни чего ни внутрь, ни внѣ насъ, что бы насъ не обманывало.

Нѣтъ ни одного предмѣта, который бы двухъ человѣкъ плѣнялъ равнымъ образомъ, или одного человѣка въ двухъ разныхъ часахъ.

Нѣтъ

Нѣтъ совершеннаго Характира истинны, ни преносительнаго къ предмѣту, ни преносительнаго ко склонности.

Какъ полагаться на качество, столь же непостоянное, какъ и воображеніе?

Нѣтъ воображенія безъ чувствованія, ни разума безъ воображенія. Однако естьли чувство обманываетъ, естьли воображеніе есть не вѣрно, или естьли они объявляютъ правду, и нѣтъ ни какого извѣстнаго средства ко увѣренію себя о тѣхъ случаяхъ, въ которыхъ они не обманываютъ, то что должно думать о разумѣ?

Всѣ Карнеадовы правила содержали въ себѣ опроверженіе памяти, воображенія, чувствъ и разума.

Откуда слѣдуетъ, что ученіе среднія Академіи было почти такое жъ, какъ и ученіе Академіи новой.

И что Академія разнствовала отъ Пирронисма тѣмъ, что она оставляла Философу вѣроятіе, и мнѣніе. Академикъ говорилъ; *videre mihi videor*, *кажется что пижу*, а Пирроніанинъ: *nihil videre mihi videor*, *кажется*, *что ничего не пижу*.

Карнеадъ

Карнеадъ не признавалъ бытія боговъ; но ополчаясь противу Стоиковъ утверждалъ, что все разглашаемое ими о томъ есть сомнительно и неизвѣстно.

Подобнымъ образомъ разсуждалъ онъ и о провидѣніи. Онъ доказывалъ, что вещи не въ нашей состоятъ власти; а оттуда заключалъ, что нѣтъ всеобщаго союза, и что ниже самому Аполлону возможно предсказать что либо изъ дѣйствій человѣческихъ.

Онъ поставлялъ благополучіе въ подражаніи естеству, въ слѣдованіи внушеніямъ онаго, и въ наслажденіи даровъ его.

Клитомахъ Карѳагенянинъ занялъ мѣсто Карнеадово. Онъ вступилъ въ Академію во второе лѣто сто шестьдесятъ второрыя Олимпіады, и пребылъ въ ней около придцати лѣтъ. Сей былъ со всѣмъ Пирроніанинъ, и не оставлялъ Философу ниже выбора между вещьми больше или меньше вѣроятными. Онъ сдѣлалъ притчу о человѣкѣ и о естествѣ равномѣрно неизъяснимую. Отвергъ наблюденіе, опытъ и Діалектику, которую сравнивалъ съ луною растущею и умаляющеюся.

Филонъ

Филонъ много лѣтъ учился у Клиѳомаха; Хармидъ насталъ по немъ, и Академія кончилась на Антіохѣ Аскалонищѣ.

Первая, средняя и новыя Академіи имѣли послѣдователей у Римлянъ. *Смотри членъ* ФИЛОСОФІЯ РИМЛЯНЪ.

Платонисмъ возобновился паки при Императорахъ. Между новыми платониками считается Ѳрасилъ Менденскій, жившій при владѣніи Августа и Тиверія; Ѳеонъ Смирнскій; Алкиной; Ирмафродитъ, или Евнухъ Фаворинъ, прославившійся при Траянѣ и Адріанѣ, ибо будучи Галлъ говорилъ по Гречески, будучи Евнухъ обвиняемъ былъ въ прелюбодѣяніи, и будучи соперникъ Императору въ Философіи сохранилъ вольность свою и животъ; Калвизій Тавръ бывшій во время Антонина благочестиваго; Лукій Апулей сочинитель сказки о золотомъ Ослѣ; Аттикъ современникъ Императору Философу Марку Аврелію Антонину; Нуменій Апамейскій, Максимъ Тирскій, жившіе при Коммодѣ, Плутархъ и Галіенъ.

Въ то время *Платонисмъ* родилъ Еклектисмъ. Смотри *членъ* ЕКЛЕКТИСМЪ, *Философія*.

Христіанство начало укрѣпляться. *Смотри пѣ членахъ* ФИЛОСОФІЯ ІИСУСЪ-ХРІСТОВА, АПОСТОЛОВЪ, и ОТЦОВЪ. Какой жребій имѣлъ *Платонисмъ* въ Церьквѣ?

Сія Философія угасла такъ, какъ и всѣ другія знанія, и возобновилася не прежде того времени, въ которое Греки преселилися во Италію. Между возобновителями Платонова ученія перьвый именуется Георгій Гемистъ Плиѳо, жившій при дворѣ Михаила Палеолога за двенадцать лѣтъ прежде собора Флорентинскаго, бывшаго при Евгеніи IV. въ 1438. году, на которомъ онъ присутствовалъ съ Ѳеодоромъ Газою и Вессаріономъ. Онъ написалъ книгу о законахъ, которую Конспантинопольскій Патріархъ Геннадій по смерти сочинителя приказалъ сжечь.

Вессаріонъ былъ ученикъ Гемистовъ, и послѣдователь *Платонисма*. Житія Гемиспа и Вессаріона болѣе принадлежатъ къ церковной, нежели къ Философической исторіи.

Однако въ сіе время ни кто ревностнѣе не придержался Платонисма, какъ Марсилъ Фисинъ. Онъ родился во Фло-

Флоренціи въ 1433 году. Училъ публично Философіи, обучалъ Анга Полисіена, Арешина, Кавалканта, Калдерина, Мерката и многихъ другихъ. Онъ оставилъ намъ переводъ Платона столь сухой, столь непріятной, столь грубой, столь не красной, каковъ оной въ подлинникѣ есть, подобно какъ древнія тѣни живописи, которыя писатели называютъ *корками*, обрѣтаются на картинахъ Тисіена или Рафаеля.

Іоаннъ Пикъ Мирандольскій, поощрившій современниковъ своихъ къ ученію Платонову, родился въ 1463 году. Онъ вѣдалъ все что Латины, Греки, Аравитяне и Іудеи писали о Философіи. Разумѣлъ почти всѣ языки. Любовь къ ученію и роскошь прекратили его жизнь. Онъ умеръ, прежде тридцати двухъ лѣтъ своего возраста.

Въ то время приняла Философія новой видъ. *Смотри-членъ о Философіи вообще.*

ПЛАТОНИСМЪ (*Богословія*) сіе слово значитъ въ богословіи ученіе Платона и Платониковъ; отмещущіе Троицу утверждаютъ, что изъ онаго перенесенъ въ христіанство Догматъ о Троицѣ. Надлежитъ выслушать ихъ са-

самихъ, что они о семъ говорятъ, что бъ быть въ состоянїи опровергнуть ихъ. Для того пріобщается сокращеніе, какимъ образомъ утверждаютъ они свое мнѣніе.

Можно, говорятъ они, къ Догмату хрїстїанскому о Троицѣ привести мнѣніе Платоново о трехъ началахъ, которыя кажется принимаетъ онъ въ своемъ ученїи. Языческіе Философы не имѣли въ разсужденіяхъ своихъ важнѣйшей задачи отъ той, которая касалася до познанїя, вѣченъ ли есть мїръ; однако послѣ долгаго размышленїя самые премудрѣйшіе изъ нихъ заключили изъ разсматриванїя вселенныя, что одно только есть существо премудрое и всесильное, которое создало столь дивное твореніе. Платонъ былъ изъ ихъ числа; онъ не постигая, чтобъ случайное стеченіе *Паропъ* могло произвести мїръ, призналъ оный за произведеніе непостижимой премудрости. Однако опасаяся жребїя Сократова прикрылъ сію истинну вымыслами, и не дерзая противостати общему заблужденію, *разумъ*, *премудрость*, и *силу* творца назвалъ лицами, и чтобъ не раздражить владычествующаго мнѣнїя о многобожїи, сдѣлалъ и изъ нихъ боже-

ства;

ства; словомъ, принужденный народнымъ суевѣріемъ выдумалъ онъ искусно, для безбѣднаго Философствованія, родословіе божіе, *отца, сына рожденнаго, и третьяго бога, произшедшаго отъ отца и сына.*

Сія восточная Философія, какъ и свойственно есть, ввергнула въ заблужденіе первыхъ Христіянъ, принявшихъ въ простомъ разумѣ вещь совсѣмъ иносказательную. Они старалися сыскать нѣчто полезное во всѣхъ словахъ язычниковъ, и въ семъ намѣреніи часто дѣлали принужденное онымъ толкованіе. Слова, двоякій разумъ имѣющія, не рѣдко могутъ обмануть тѣхъ, кои недовольно объ оныхъ разсуждаютъ. Сверхъ того весьма удобно обмануться въ изъясненіи ученія Платонова, которое есть темно и невразумительно, отъ того ли, что сей Философъ, слѣдуя правиламъ политики, желалъ быть скрытнымъ, или отъ того, что онъ и самъ не весьма ясное имѣлъ понятіе о мнѣніяхъ, которыя должно о божествѣ воображать.

Съ его ученіемъ, прибавляютъ отмемщущіе Троицу, случилося то, что нѣкоторые отцы не право разумѣя сказан-

ное имъ о второмъ богѣ, чрезъ которое слово безъ сомнѣнія не что иное разумѣлъ Платонъ, какъ міръ созданный премудростію и всемогуществомъ божіимъ, истолковали оное *словомъ* проговореннымъ и произнесеннымъ наружу. Оттуда произошли слова ихъ, *рожденіе* и *произношеніе*; въ такомъ разумѣ, что не было времени, въ которое бы *отецъ* не былъ *отцемъ*, и что *сынъ* началъ быть *сыномъ*. Они такъ же увѣрили себя въ томъ, будто бы Платонъ зналъ три *лица* или три *ипостаса* божества, и перенесли въ христіанство сіи мнѣнія училища Платонова.

Правда, что первые отцы не такого были мнѣнія о Троицѣ, какое о ней получила церковь послѣ Никейскаго собора. Они такъ смѣшали ученіе писанія съ ученіемъ Платоновымъ, что весьма трудно Платоническія ихъ тонкости различить съ христіанствомъ; ибо стараяся сдѣлать Философію сходную съ вѣрою, испортили ту и другую. Они хотѣли ослѣпить Философовъ, показавъ имъ христіанство въ Платонѣ, и оттуда по послѣдовало, говорятъ еще отмещущіе Троицу, что *Платонисмъ*, долженствовавшій быть только *украшеніемъ*

нѣмъ вѣры, сдѣлался нечувствительно *оснонангѣмъ* ея.

Извѣстно, прибавляютъ Социнїане, что отцы не утвердили согласно словамъ непремѣннаго и единообразнаго знаменованїя, чему однако не должно дивиться; ибо и доднесь еще не могутъ согласиться какъ оныя разумѣть надлежитъ. Одни желая утвердить *Троицу*, не соблюли *Единицы*; другїе принимая три *Лица* Троицы, какъ три существа раздѣльныя, кажется постановляютъ трехъ разныхъ боговъ; третїе, избѣгая сего заблужденїя чрезъ названїе трехъ Лицъ, не что иное разумѣли, какъ только именованїе способовъ и свойствъ. Когда спрашивается, говоритъ Августинъ, что есть *три Лица*? То къ выраженїю оныхъ недостаетъ словъ. Однако жъ сказано *три Лица*, для того, что не должно быть нѣмымъ.

Здѣсь отправляемъ мы должность простыхъ только историковъ, что не неудобно сдѣлать; но что бъ опровергать мнѣнїе отмещущихъ Троицу, и разбирать всѣ производимыя ими ко утвержденїю онаго мѣста, сїе столько превосходитъ наши силы, что мы не смѣемъ приступить къ тому, и страхъ нашъ тѣмъ болѣе основателенъ, что

искусные люди ниже самаго Отц. балта признаютъ въ критическомъ его слѣдствіи о сей матеріи столь хорошій успѣхъ получившимъ, какого бы желать можно. Я съ моей стороны особо не похваляю его за ругательныя слова употребляемыя имъ противу своихъ соперниковъ; ибо ни когда не можно получить никакой пользы изъ ругательствъ, которыя напротивъ много дѣлаютъ вредъ и самому справедливому дѣлу.

Того ради надлежитъ присовокупить къ отцу балту, Петра Поарела *въ послѣднихъ его сочиненіяхъ* (opera posthuma) и Іоанна Фридерика Меіера *въ Диссертаціи* его *белóуѡ, о слитѣ*, съ прилѣжаніемъ трудившихся во опроверженіи такъ называемаго открытаго отмещущими Троицу *Платонисма*. Съ другой стороны Самуилъ Креллій предпріялъ защищеніе собратіи своихъ въ сочиненіи (*Artemonii initium Evangelii sancti Johannis illustratum*) *начало Евангелія святаго Іоанна, истолкованное Артемоніемъ*, напечатанномъ въ Лондонѣ въ двухъ книгахъ въ 8. Чтеніемъ всѣхъ сихъ мною приведенныхъ сочиненій, критики могутъ быть въ состояніи вѣрно рѣшить нѣжную задачу о *Платонисмѣ*, который отмещущіе Троицу почитаютъ нечувствви-

чувствительно вкравшимся въ христіянскую вѣру.

Я не долженъ такъ же пропустить того, что г. Леклеркъ есть изъ числа тѣхъ, которые въ сіи послѣднія времена съ великимъ искуствомъ приняли сторону сего мнѣнія, какъ можно усмотрѣть изъ *критическаго его искустиа* (*ars critica*) и изъ многихъ (*tomes*) частей дневныхъ его записокъ, какъ то, во всеобщей его библіотекѣ, часть IV. ч. X. и ч. XVIII. въ избранной его библіотекѣ, часть XIII. въ древней и нынѣшней его библіотекѣ часть V. и въ Пролегоменахъ *церъкопной* его *исторіи* (*historia Ecclesiastica.*) вѣроятно такъ же, что онъ напечаталъ въ 1600 году въ 8 книгу г. Суверена надписанную: *открытой Платонисмъ*, или *Опытъ о Платоническомъ словѣ*; однако Даніилъ Звикеръ, Соцініанскій писатель, первый старался доказать, что первые христіанскіе писатели Троицу и λόγως или *слово* взяли изъ Платоновыхъ писаній худо выразумѣнныхъ.

ПЛАТОНИКИ
и
АРИСТОТЕЛИКИ.

(ИСТОРІЯ О ФИЛОСОФІИ НЫНѢШНЕЙ.)

Фабриціи песьма ясно открылъ сей Философфической раздоръ пъ Греческой своей библ. част. X. а г. Боапитъ пъ записках Акад. надл. част. III. съ точнѣйшею еще подробностію здѣлалъ оному описаніе, содержаніе котораго сообщается здѣсь.

Около средины пятагонадесятъ вѣка загорѣлся нѣкоторый родъ междоусобныя брани *Платоников* и *Аристотеликовъ* между Греческими Философами процвѣтавшими тогда, въ весьма довольномъ числѣ въ Венеціи, въ Фло-

Флоренціи, въ Римѣ и въ другихъ городахъ Италіи.

Гемистъ Плифонъ, человѣкъ разумный изъ числа высокихъ въ своемъ вѣкѣ умовъ, и великій *Платоникъ* принялъ намѣреніе опровергнуть Аристотеля, который отъ давняго уже времени владычествовалъ въ западныхъ училищахъ, гдѣ Аравійскіе Философы весьма прославили свою философію. Сперьва издалъ онъ въ свѣтъ малую книжку подъ заглавіемъ *о различіи мнѣній Аристотелевыхъ и Платоновыхъ*, περὶ ὧν Ἀριστοτέλης πρὸς Πλατῶνα διαφέρεται. Онъ не довольствовался въ семъ сочиненіи, которое было напечатано показать различіе находящееся между тѣмъ и другимъ Философомъ, и предпочесть Платона Аристотелю, но при томъ нещадно еще поносилъ сего послѣдняго.

Противъ его востали трое равно славные мужи. Перьвый именемъ *Георгій Схоларій*, бывшій попомъ патріархомъ Константинопольскимъ, извѣстный подъ именемъ Геннадія, который тщательно трудился въ показаніи того, что Аристотелевы правила гораздо лучше Платоновыхъ сходствуютъ съ Христіанскою бого-

богословїею. Изъ сего Геннадїева сочиненія имѣемъ мы только то, что самъ Плифонъ соблюлъ намъ въ писаніи своемъ названномъ, *отитъ на припеденныя Схоларїемъ доказательства въ защищенїе Аристотелю.* Отвѣтъ сей не былъ напечатанъ, однако обрѣтается въ разныхъ библїотекахъ. Плиѳонъ говоритъ во ономъ къ своему сопернику съ такимъ огорченїемъ, какое можетъ имѣть человѣкъ сильно уязвленный, и съ такою строгостїю, какую употребляетъ учитель подающїй наставленїе ученику. Геннадїй ожидалъ способнаго случая, что бъ отвѣтствовать ему, который не много спустя времени показался, и котораго онъ не пропустилъ. Онъ свѣдомъ былъ, что Плиѳонъ сочинялъ книгу по примѣру Платонова общества, и что въ сей книгѣ старался онъ возстановить новую систему вѣры, и богословїю со всѣмъ языческую. Онъ, минуя Платона и Аристотеля, возсталъ прямо на издателя новой системы, обвиняя его, аки бы онъ хотѣлъ разрушить Христїанское благочестїе, и возстановить язычество. Плиѳонъ устрашенный симъ обвиненїемъ не дерзнулъ издать въ свѣтъ своей книги, и содержалъ оную въ тайнѣ во все время своего житїя.

По

По кончинѣ его, Димитрій Греческій Принцъ, произшедшій отъ колѣна Палеологовъ, у котораго по видимому книга сія была въ сохраненіи, вручилъ оную Геннадію бывшему тогда Патріархомъ, который, скоро просмотрѣвши ее, осудилъ на сожженіе. Обрѣтается письмо Геннадія къ Іоанну Ексарху, въ которомъ повѣствуется о семъ произшествіи весьма пространно, и въ которомъ ученіе содержавшееся въ Плиѳоновой книгѣ опровергается.

Хотя обличеніе книги Плиѳоновой, изданное въ свѣтъ Геннадіемъ, не касается прямо Платона, ни *Платоникопъ*, однако весьма ясно видно, что Патріархъ имѣлъ намѣреніе доказать то, что прежде писалъ противъ Философіи Платоновой, и показать колико чтеніе книгъ сего Философа пагубно; ибо оно такъ развратило умъ Гемистовъ, что родило въ немъ дерзновенное воображеніе о поправленіи правительства и вѣры.

Ѳеодоръ Газа былъ вторый изъ сопернивовъ Плиѳоновыхъ, прямо противу его писавшихъ. Но Георгій Критскій, вѣдомый подъ именемъ Георгія Тревисонда, сперьва напалъ на Кардинала Вессаріона, кото-

который самъ въ отвѣтѣ своемъ за Платона объявляетъ начало сего раздора. Дѣло происходило такимъ образомъ. Аристотель во второй книгѣ своей фисики говоритъ, что все, что ни дѣлаетъ естество, дѣлаетъ оно то на какой ни есть конецъ, и что однако не дѣлаетъ оно ничего съ намѣреніемъ, сирѣчь: съ размышленіемъ, со знаніемъ и съ разумомъ.

Сіе положеніе, когда опровергая Плиѳонъ, утверждалъ съ Платономъ, что естество не сдѣлало ничего не разумно и неосторожно, то Газа, принявъ Аристотелеву сторону, писалъ о томъ къ Кардиналу Вессаріону. Кардиналъ учившійся у Плиѳона и ежедневно совѣтовавшій съ нимъ о Философическихъ матеріяхъ, написалъ отвѣтъ весьма краткой, въ которомъ, толкуя слова Платономъ и Аристотелемъ употребленныя, показалъ, что сіи два Философы не столь другъ съ другомъ во мнѣніи не сходны были какъ казалися. Георгій Тревисондъ отъ давняго времени не доброжелательствовавшій Вессаріону, потому, что онъ предпочелъ ему Газу, и сея ради самыя вины ненавидѣвшій и сего послѣдняго, котораго слава помрачала его. Онъ доставъ въ свои руки

Весса-

Вессаріоновъ отвѣтъ объ упомянутомъ нами дѣлѣ, притворился, будто бы починаетъ сіе сочиненіе Газовымъ, и здѣлавъ на оное возраженіе, озлобилъ равно Вессаріона, Газу и Плиѳона.

При сильнѣйшемъ умноженіи ссоры вмѣшалися во оную и другіе Греки, не столь знаменитые. Михаилъ Апостолій придержавшійся Вессаріона писалъ противъ Газы и противъ Аристотеля: сочиненіе его, говоритъ г. Боавинъ, не что иное было, какъ сплетеніе грубыхъ ругательныхъ словъ и рѣчь молодаго человѣка дерзновенно разсуждающаго о матеріяхъ, коихъ самъ не разумѣетъ. Андроникъ переименованный *Каллистомъ*, или *сынъ Каллистовъ* написалъ на оное отвѣтъ. Г. Боавинъ думаетъ, что не осталося у насъ ничего изъ сихъ двухъ сочиненій; однако ежели сослаться въ семъ на г. Фабриція, то писаніе Апостолѣво обрѣтается рукописное въ библіотекахъ Императорской и Бодлеіенской. Какъ бы то ни было, однако оно было презираемо, вмѣсто того, что Андроникова отвѣтъ похваленъ искусными людьми, а во первыхъ Николаемъ Секондиномъ, человѣкомъ многоразумнымъ, который самъ засвидѣтельствовалъ о томъ

въ

въ письмѣ своемъ писанномъ къ Андронику изъ Витербы 5 Іюня 1462 года. Онъ говоритъ о сочиненіи Апосполіевомъ, какъ о книгѣ исполненной ругательныхъ словъ и клеветъ; а объ Андрониковомъ съ великими похвалами.

Андроникъ, разумный и кроткій Перипатитикъ, отослалъ писаніе Апосполіево со своимъ на оное отвѣтомъ къ Кардиналу Веccаріону покровителю *Платоникопъ*, безъ прекословія покоряяся тому, что угодно будетъ Кардиналу опредѣлить о предложенныхъ спорахъ. Веccаріонъ, прочетши и разсмотрѣвши со вниманіемъ два сіи новыя сочиненія, обвинилъ Апосполія, и весьма похвалилъ отвѣтъ Андрониковъ. Въ библіотекѣ Французскаго Короля въ рукописной книгѣ находятся два одного числа писанныя о сей матеріи письма, оба Веccаріоновы. Перьвое надписанное Андронику, есть только обертка втораго, которое весьма пространно и надписано Апосполію; оно писано съ теплыхъ Витербскихъ водъ 19 Маія 1462 года. Г. Боавинъ перевелъ оное во всей цѣлости сперьва на Французской языкъ, потомъ на Греческій и Латинскій. Оно содержитъ въ себѣ преизрядныя наставленія въ разсужденіи

жденїй почтенїя, которое должно имѣть къ великимъ людямъ изобрѣтшимъ, или въ совершенство приведшимъ художества и науки, а особливо къ тѣмъ, которыхъ слава нѣкоторымъ образомъ освящена уже неизмѣннымъ согласїемъ всѣхъ вѣковъ.

Понеже пространство онаго письма не дозволяетъ намъ внести его цѣлаго сюда, для того за довольно почитаемъ привести нѣкоторыя только рѣчи, по которымъ читатель можетъ судить и о протчемъ. „Неругательными словами, „говоритъ онъ, но твердыми и силь„ными доводами должно защищать сво„ихъ другова, и ополчаться противо „своихъ соперниковъ.„ Далѣе обличаетъ его за то, что злословилъ онъ Ѳеодора Газу. „Съ трудомъ могъ я снести, „что ты порицалъ невѣжествомъ столь „разумнаго человѣка какой Ѳеодоръ. Но, „прибавляетъ онъ, что ты столь же „недостойнымъ образомъ поступилъ и „съ самимъ Аристотелемъ; Аристоте„лемъ вождемъ и наставникомъ нашимъ „во всякомъ родѣ ученїя; что дерзнулъ „грубыя произнести на него укоризны; „называть его невѣжею, дерзкимъ, не„благодарнымъ, и обвинять его вѣролом-

„ствомъ . . . . то сіе такое есть дер-
„зновеніе, которому равнаго я не обрѣ-
„таю. Желалъ бы я, прибавляетъ Кар-
„диналъ, когда Плиѳонъ вооружается
„на Аристотеля, когда другіе возста-
„ютъ пропивъ двухъ философскихъ на-
„чальниковъ (Платона и Аристотеля),
„желалъ бы я, говорю, что бъ сіе про-
„изводимо было со всею тою кротостію,
„которую Аристотель хранилъ пропиво-
„рѣча предварившимъ его . . . . а мы,
„которые въ сравненіи сихъ великихъ
„мужей, весьма малые особы есьмы,
„мы имѣемъ дерзновеніе называть ихъ
„невѣждами, и издѣваться надъ ними не
„учтивымъ образомъ . . . . Поистиннѣ,
„поступокъ сей есть весьма страненъ,
„и весьма безуменъ.„ Желательно,
чтобъ наставленія сіи о почитаніи вели-
кихъ людей часто были повторяемы.

Въ то время какъ сіе письмо писано, Гемистъ Плиѳонъ былъ чрезмѣрно старъ, и жилъ въ Пелопониссѣ, куда онъ задолго предъ тѣмъ удалился. Глубокая его старость, и сила непріятеля его Схоларія, получившаго достоинство Патріарха Константинопольскаго, не дозволяли ему защищать свое мнѣніе столь же мужественно, какъ онъ то въ

началѣ

началѣ творилъ. Однако непрїятели его сами, или боялися, или почитали его. А какъ скоро онъ умеръ, то тотъ часъ начали они жестоко ругать Платона и его. Георгїй Тревисондъ издалъ въ свѣтъ на Латинскомъ языкѣ сравненїе Платона съ Аристотелемъ, *Comparatio Platonis et Ariſtotelis*, въ *пенец.* 1523, въ 8. Ни что не можетъ быть язвительнѣе и угрюмѣе сего сочиненїя; оно есть, говоритъ г. Боавинъ, изліянїе ярости, и ярости самой лютѣйшей противъ Платона и поборниковъ его.

Такое писанїе не могло не привлещи на себя великаго вниманїя Платониковъ; по чему Кардиналъ Веccарїонъ за долгъ почелъ здѣлать на оное возраженїе въ сочиненїи своемъ, которое и издано въ Венецїи въ 1516 году въ *листъ*. И раздѣлено на четыре книги.

Въ сїе самое время сочиненїе Плиѳоново было отвергнуто Геннадїемъ, по причинѣ нечестїй и язычества, которыми сей Патрїархъ почиталъ оное наполненнымъ. Сочиненїе Плиѳоново, осужденное Геннадїемъ, названо было по Гречески *книга законовъ*, въ трехъ частяхъ. Сочинитель имѣлъ намѣренїе преподать во оной бо-

гословїю сходственную съ Зороастровою и Платоновою; нравоученіе Философическое и Стоическое; чертежъ общества учрежденнаго по примѣру Лакедемона, и умягченнаго правилами Платоновыми; образъ богослуженія и священныхъ обрядовъ; Систему физики почерпнутой особливо изъ Аристотеля; и на конецъ правила щастливо жить. Леонъ Аллацій весьма жалѣетъ о потеряніи сего сочиненія; онъ утверждаетъ, что намѣреніе писателево ни коимъ образомъ не клонилося къ разрушенію Христіанскія вѣры, но единственно къ тому, чтобъ открыть Систему Платонову, и изъяснить то, что онъ и другіе Философы писали о матеріяхъ касающихся до вѣры и политики; напослѣдокъ, книга Кардинала Вессаріона истребила худыя мнѣнія, о Платонѣ и его Философіи впереннныя сочиненіемъ Георгія Тревисонда. Самые послѣдователи Аристотелевы воспрянули отъ предразсужденія принятаго противу Платона. Обличительныя рѣчи съ той и другой стороны престали, и мїръ царствовалъ многіе годы у Философовъ обоихъ толковъ.

АКА-

АКАДИМИКИ.

Толкъ Философовъ, послѣдовавшихъ Сократову и Платонову ученїю, о неизвѣстности нашихъ познанїй и непостижимости истины.

Въ семъ разумѣ вземлемый Академикъ очень сходенъ съ такъ называемымъ *Платоникомъ*, и между ними нѣтъ другаго различїя кромѣ времени, въ которое начало свое возымѣли. Древнїе Философы Платоновой Систимы придержавшїеся названы Academici, Академиками, вмѣсто того что бъ которые по возстановленїи наукъ тѣмъ же самымъ слѣдовали умствованїямъ, получили имя *Платоников*.

Можно сказать, что Сократъ и Платонъ, первыя Основанїя Академїи положившїе, не столь далеко въ умствованїи

простиралися, какъ тѣ, которые послѣ ихъ наспали, а именно; Аркесилай, Карнїадъ, Клитомахъ и Филонъ. Хотя Сократъ исповѣдовалъ, что ничего не знаетъ; однако сомнѣнїе его клонилося къ одной токмо физикѣ, въ которой онъ сперва весьма прилѣжно упражнялся, и которую напослѣдокъ призналъ за превосходящую понятїе ума человѣческаго. И естьли когда говорилъ онъ такъ, какъ говорятъ Скептики, то дѣлалъ сїе или въ насмѣшку, или по смиренномудрїю, дабы убавить у Софистовъ тщеславїя, кои безумно хвалилися знать все, и всегда быть готовыми говорить о разныхъ предметахъ.

Платонъ отецъ и основатель Академїи, наставленный Сократомъ въ искусствѣ недоумѣнїя, признавая себя подражателемъ его, придержался его расположенїя въ описанїи вещей, и предпрїялъ опровергнуть всѣхъ прежде бывшихъ Философовъ. Однако совѣтуя своимъ ученикамъ сомнѣваться и недоумѣвать о всемъ, не имѣлъ онъ того намѣренїя, чтобъ оставить ихъ зыблющимися и невѣдающими истинны и неправды, но токмо что бъ предохранить ихъ отъ тѣхъ буйственныхъ и скоропостижныхъ рѣше-

рѣшеній, кѣ коимъ человѣкъ въ юношеспѣ сполъ склоненъ бываетъ, и привеспи разумъ ихъ въ такое состояніе, въ которомъ бы все испытывая и не порабощаяся никакимъ предразсужденіямъ, могли противу тѣхъ заблужденій потребныя принимать мѣры.

Аркесилай вознамѣрился древнюю Академію исправить, и учредить новую. Повѣствуютъ, что онъ подражалъ Пиррону, и имѣлъ обхожденіе съ Тимономъ. Аристонъ въ разсужденіи того, что Аркесилай Пирронову *Елоху*, то есть: искуство недоумѣнія обогатилъ изрядным Платоновымъ ученіемъ, и вооружилъ оное Діодоровою Діалектикою, сравнивалъ его съ Химерою, и съ пріятностію говаривалъ о немъ стихи, въ которыхъ Омиръ описалъ Химеру имѣющею передъ львиной, задъ драконовъ, а средину козью. И такъ Аркесилай по Аристону, съ переди былъ Платонъ, съ зади Пиронъ, а посрединѣ Діодоръ. По сему нѣкоторые причисляютъ его ко Скептикамъ, а Секстъ Емпирикъ утверждаетъ, что весьма мало есть различія между его толкомъ, который есть скептическій, и Аркесилаевъ, кой есть новыя Академіи. *Смотри* СКЕПТИКИ.

И подлинно Аркесилай училъ, что мы и того не знаемъ, не знаемъ ли мы ни чего; что естество не дало намъ ни какого правила истинны; что чувства и разумъ человѣческій ничего не могутъ понимать о истинѣ; что во всѣхъ вещахъ находятся причины другъ другу съ равною силою противоположенныя: словомъ, что все покрыто мракомъ, и что слѣдовательно всегда сомнѣваться должно. Ученіе его не весьма принимали, потому что кажется желалъ онъ потушить весь свѣтъ знанія, помрачить разумъ, и разрушить основанія Философіи. Одинъ только Лакидъ защищалъ ученіе Аркесилаево и предалъ оное Евандру, который со многими другими у него учился. Евандръ научилъ оному Игесима, а Игесимъ Карніада.

Однакожъ Карніадъ не во всѣхъ вещахъ послѣдовалъ ученію Аркесилаеву, хотя и соблюлъ сокращеніе онаго. Сея ради причины почли его начальникомъ новыя Академіи, третьею нареченныя. Никогда не открывая своего мнѣнія весьма разумно и краснорѣчиво опровергалъ онъ всѣ предлагаемыя ему мнѣнія; ибо имѣя удивительную остроту разума, твердую память, великую способность

къ

къ разглагольствованію и долгое упражненіе въ Діалектикѣ, началъ учиться Философіи; онъ первый показалъ Риму силу вѣтійства, и достоинство Философіи. Цвѣтущее Римское юношество, которое съ того времени намѣреніе о приведеніи всей вселенной подъ свою державу приняло, привлеченное новостію и изяществомъ благороднаго сего знанія, послѣдовало ему съ такою ревностію, что Катонъ, человѣкъ въ прочемъ разума превосходнаго, но грубый, нѣсколько дикій, и неимѣющій той вѣжливости, которая происходитъ отъ наукъ, началъ подозрѣвать на сей новой ученія родъ, которымъ все по своему желанію присовѣтовать можно. Онъ объявилъ въ Сенатѣ свое мнѣніе, чтобъ съ честію отослать какъ можно скорѣе Карніада и находящихся при немъ посланцовъ удовлетворивъ требованіямъ ихъ.

Карніадъ, одаренный столь изящнымъ краснорѣчіемъ, разрушалъ все, что хотѣлъ, опровергалъ причину тоюже самою причиною, и всегда пребывалъ въ защищаемыхъ имъ мнѣніяхъ непобѣдимъ. Стоики люди сварливые и въ словопрѣніи остроумные, съ которыми онъ и Аркесилай многократно имѣли прѣнія, съ трудомъ

могли избавляться отъ препинаемыхъ имъ сѣтей. Чего ради, дабы умалить славу его, говорили, что онъ ничего противу ихъ не представляетъ, чтобы отъ него самаго изобрѣтено было, и что всѣ его возраженія взяты изъ книгъ Стоика Хрисиппа. Карнїадъ, человѣкъ, которому Цицеронъ приписываетъ искуство опровергать все, не употреблялъ онаго присѣмъ случаѣ, казавшемся толь сильно озлобляющимъ его самолюбїе: онъ признавался со смиренїемъ, что безъ помощи Хрисиппа, не сдѣлалъ бы ничего, и что опровергалъ Хрисиппа Хрисипповымъ же оружїемъ.

Подправки Карнїадомъ здѣланныя въ Аркесилаевомъ ученїи суть весьма невелики. Очень не трудно согласить сказуемое Аркесилаемъ, что нѣтъ ни какой въ вещахъ истинны, съ тѣмъ, что говоритъ Карнїадъ, который хотя признаетъ въ вещахъ быть нѣкоторой истинѣ, но утверждаетъ при томъ, что о различенїи оныя не имѣемъ мы ни какого правила. Ибо два рода суть истинны: одна называемая *истинною бытїя*, а другая *истинною разума*. Но понеже явствуетъ, что оба сїи Аркесилая и Карнїада предложенїя клонятся къ истинѣ

разума:

разума: истинна же разума есть въ числѣ относительныхъ вещей, о которыхъ разсуждать должно преносительно къ нашему уму; слѣдовательно, когда Аркесилай утверждалъ, что нѣтъ ничего въ вещахъ истиннаго, по тѣмъ самимъ хотѣлъ онъ сказать, что нѣтъ ничего въ вещахъ такого, что бы человѣческій разумъ подлинно понимать могъ: а сіе есть тоже самое, что Карнїадъ утверждалъ.

Аркесилай говорилъ, что все есть непостижимо, и что всѣ вещи суть темны. Карнїадъ согласовалъ въ томъ, что все есть непостижимо: но не принималъ того, чтобъ всѣ вещи были темны: понеже по мнѣнію его вѣроятныя вещи, о которыхъ человѣкъ стараться долженъ, не темны суть. Но и паки хотя есть тутъ нѣкоторое различїе въ выраженїи, однако нѣтъ ни какой разности въ самомъ дѣлѣ: ибо Аркесилай утверждалъ вещи быти темныя, токмо поколику ихъ постигнуть не можно, но не лишалъ оныхъ всей вѣроятности: такоежъ мнѣнїе было и Карнїадово: понеже когда признавалъ онъ вещи не столь темными, чтобъ не возможно было различить тѣхъ, кои въ житейскомъ употребленїи предпочи-

почитаться должны ; то не разумѣлъ ихъ столь ясными, чтобъ постигать ихъ можно было.

Изъ сего слѣдуетъ , что не было также никакого между ними различїя въ мнѣнїяхъ, когда Карнїадъ разумному человѣку дозволялъ разсуждать и можетъ быть иногда и согласїе свое давать ; и когда Аркесилай запрещалъ то и другое. Карнїадъ утверждалъ только то , что разумный человѣкъ долженъ употреблять вѣроятныя вещи въ общежитїи нужныя и безъ которыхъ прожить не возможно ; а не въ управленїи ума , и во испытанїи истинны , откуда единственно Аркесилай разсужденїе и согласїе отдалялъ. И такъ всѣ ихъ несогласїя состоятъ въ однихъ только выраженїяхъ ; а не въ самыхъ вещахъ.

Филонъ ученикъ Клитомаха учившагося у Карнїада отступленїемъ въ нѣкоторыхъ статьяхъ отъ мнѣнїй сего самаго Карнїада заслужилъ съ Хармидомъ имя, *основателя четвертой Академїи.* Онъ утверждалъ, что вещи сами собою суть постижимы, но что мы не всегда можемъ понимать ихъ.

Анти-

Антїохъ былъ основатель пятой Академїи: много лѣтъ учился онъ у Филона и придержался ученїя Карнїидова: но напослѣдокъ въ старости оставивъ своихъ учителей ввелъ паки въ Академїю правила Стоическїя, которыя приписывалъ Платону, утверждая, что ученїе Стоиковъ не новое, но токмо исправленїе старой Академїи. Слѣдовательно пятая сїя Академїя не иное что была какъ содружество старой Академїи и Стоической Философїи, или паче самая стоическая Философїя въ видѣ старой Академїи, сирѣчь той, которая при Платонѣ и Аркесилаѣ процвѣтала.

Нѣкоторые думали, что одна только была Академїя: понеже, говорятъ они, какъ многїя вѣтьви, произрастающїя отъ единаго корьня и разпространяющїяся въ разныя стороны, не суть различныя дерева; равнымъ образомъ всѣ сїи толки, произшедшїе отъ единаго сего корьня ученїя Сократова, *что человѣкъ не знаетъ, ничего*, хотя и раздѣлены на разныя училища, однако сосїпавляютъ одну токмо Академїю. Но ежели ввойти о семъ въ самую тонкость, то между старою и новою Академїею сыщется такая разность, что непремѣнно

мѣнно должно признать двѣ Академіи: спарую, которая была Сократова и Аѳинохова, и новую, которыя начальники суть Аркесилай, Карнеадъ и Филонъ. Перьвая въ нѣкоторыхъ статьяхъ была догматическая: въ ней по крайней мѣрѣ принимали первоначальныя правила и нѣкоторыя нравственныя истинны: вмѣсто того, новая совсѣмъ почти сходствовала со Скептикисмомъ. *Смотри* СКЕПТИКИ.

АКАДИМІЯ. Въ древнія времена былъ въ Кирамикѣ одномъ изъ Аѳинскихъ предмѣстій разстоянїемъ отъ города около мили садъ или домъ, гдѣ Платонъ и его послѣдователи, для разсужденія о философическихъ матеріяхъ, собранія свои имѣли. Отъ сего мѣста толкъ Академиковъ получилъ свое названїе.

Имя *Академіи* дано сему мѣсту для того, что Аѳинейскій гражданинъ владѣвшій онымъ и содержавшій во оном нѣкоторый родъ училища, назывался *Академъ* или *Екадимъ*. Онъ жилъ во время Ѳисѣево. Нѣкоторые имя *Академіи* производили отъ Кадма, который перьвый науки и знанїя, у Финикіянъ процвѣтавшїя

вшія въ Грецію ввелъ: но сіе произведеніе слова тѣмъ менѣе основательно, что при первомъ ономъ началѣ наукъ, весьма мало въ оныхъ упражнялися, и слѣдовательно многочисленныя мудрецовъ собранія быть тогда не могли.

Кимонъ украсилъ Академію водометами, деревами и аллеями, во удовольствіе Философамъ и ученымъ людямъ, собиравшимся туда для предложенія другъ другу вопросовъ, и для разсужденія о разныхъ вещахъ, и проч. Сверьхъ того на семъ мѣстѣ погребали славныхъ мужей, великія услуги обществу оказавшихъ. Однако Силла во время Аѳинейской осады не уважая сего словесныхъ наукъ убѣжища приказалъ изъ деревъ составлявшихъ аллеи дѣлать воинскія махины для нападенія на городъ.

Цицеронъ такъ же имѣлъ загородный домъ или мѣсто уединенія близъ Пузоля, названное отъ него *Академіею*, въ которомъ обыкновенно обращался съ своими другами, имѣвшими склонность къ философическимъ разговорамъ. Во ономъ сочинилъ онъ свои академическіе вопросы, и книги о естествѣ боговъ.

Слово

Слово Академія значитъ такъ же толкъ Философовъ утверждавшихъ, что истинна уму нашему непостижима, что всѣ познанія суть неизвѣстны, и что разумный долженъ всегда сомнѣваться и удерживать свое разсужденіе, никогда ничего подлинно ни утверждая, ни опровергая. Въ семъ разумѣ *Академія* есть тожъ самое, что толкъ Академиковъ. *Смотри* АКАДИМИКИ.

Три *Академіи* или три рода Академиковъ обыкновенно щитается, хотя по мнѣнію нѣкоторыхъ было пять оныхъ. Древняя *Академія* есть та, которыя начальникомъ былъ Платонъ. *Смотри* ПЛАТОНИСМЪ.

Аркесилай одинъ изъ преемниковъ Платоновыхъ введши въ Философію сего толка нѣкоторыя перемѣны основалъ ту, которая называется *второю Академіею*. Сей самый Аркесилай первоначально ввелъ въ Академію дѣйствительное и всеобщее сомнѣніе.

Лакиду или лучше Карніаду приписывается учрежденіе третьей Академіи, называемой такъ же *новою*, которая признавая, что не токмо много есть вѣро-

вѢроятныхъ вещей, но и что одни между оными суть истинныя, а другія ложныя; исповѢдуетъ однако, что разумъ человѢческій не можетъ совершенно различать оныхъ.

НѢкоторые прибавляютъ еще четвертую основанную Филономъ, и пятую учрежденную Антіохомъ и названную *Антіохійскою*, которая древнюю Академію и умствованія Стоикисма умѢрила. *Смотри* СТОИКИСМЪ.

Древняя *Академія* сомнѢвалася о всемъ: и при томъ столь далеко простиралася въ семъ начальномъ правилѢ, что сомнѢвалася и о томъ, должно ли ей сомнѢваться. Составлявшіе оную полагали себѢ въ правило пребывать всегда въ недоумѢніи, или неудовлетворять никогда своему разуму о истинѣ вещей, ни когда ничего не утверждать и никогда ничего не опровергать, какими бы имъ ни казалися вещи истинными, или ложными. Въ самомъ дѢлѢ утверждали они крайнюю непостижимость, то есть, что въ разсужденіи естества, или существа вещей надлежитъ ограничить себя совершеннымъ недоумѢніемъ.

Послѣдователи новыя Академіи были нѣсколько снисходительнѣе: они многія вещи признавали за истинныя, не полагаяся однако на то съ совершенною безопасностію. Они опытомъ дознали, что общежитіе и содружество не совмѣстно есть со всеобщимъ и совершеннымъ недоумѣніемъ, которое древняя Академія утверждала. Между тѣмъ извѣстно, что они тѣ самыя вещи, о коихъ согласны были, почитали больше вѣроятными, а не подлинными и точно истинными: сими подправками думали они по крайней мѣрѣ избѣгнуть поношеній, которыя древняя Академія за не благоразуміе терпѣла. *Смотри* СОМНѢНІЕ. *Смотри такъ же Академическія Цицероновы вопросы*, въ которыхъ писатель сей съ не меньшею силою какъ и чистотою опровергаетъ мнѣнія Философовъ своего вѣка, называвшихся послѣдователями древнія и новыя Академіи. *Смотри такъ же членъ* АКАДИМИКИ, въ которомъ разныя мнѣнія Академіи объявлены и соображены.

АКАДИМІЯ. Въ нынѣшнее время взимается обыкновенно за общество или собраніе ученыхъ людей учрежденное для упражненія и распространенія художествъ или наукъ.

Нѣко-

Нѣкоторые писатели смѣшиваютъ *Академію съ университетомъ*: но хотя бы сіи слова на Латинскомъ языкѣ и одно значили, однако на Французскомъ суть весьма различнаго знаменованія. Университетъ собственно значитъ собраніе состоящее изъ чиновныхъ ученыхъ людей въ разныхъ наукахъ, изъ Профессоровъ въ публичныхъ училищахъ обучающихъ, изъ частныхъ учителей, и изъ учениковъ, которые обучаясь стараются достигнуть тѣхъ же степеней. Напротивъ того Академія не ради обученія какимъ либо художествамъ или наукамъ, но токмо для приведенія оныхъ въ совершенство опредѣлена. Оная не состоитъ изъ учениковъ ни изъ искусныхъ учителей, которые бы ихъ наставляли, но токмо изъ особъ отмѣннаго понятія, кои другъ другу сообщаютъ свои знанія и изобрѣтенія ко взаимной своей пользѣ. *Смотри* УНИВЕРСИТЕТЪ.

КИРИНАИЧЕСКІЙ ТОЛКЪ.

(*ДРЕВНЯЯ ИСТОРІЯ О ФИЛОСОФІИ И ФИЛОСОФАХЪ*).

Въ Сократовомъ училищѣ отъ различія вещей, которыя онъ предъ учениками своими изъясняль, отъ образа почти Скептическаго, коимъ объ оныхъ говорилъ, и отъ разныхъ свойствъ слушателей его, видимъ родившееся удивительное множество противныхъ Систимъ, и превеликое число несогласныхъ толковъ, совершенство свое во ономъ получившихъ: какъ чтется у стихотворца, что Греческіе Ироп совсѣмъ вооруженные вышли изъ Троянскаго коня; или какъ повѣствуетъ Миѳологія, что изъ змѣиныхъ

ныхъ зубовъ родились воины, которые другъ друга изрубили въ куски въ п'уже самую минуту, въ которую бытіе свое получили. Аристиппъ основалъ въ Ливіи и разсѣялъ въ Греціи и въ другихъ мѣстахъ *толкъ Киринаическій*; Евклидъ Мегарическій; Федонъ Еліаческій; Платонъ Академическій; Антисѳенъ Киническій, и проч.

Киринаическій толкъ, о которомъ здѣсь рѣчь идетъ, названіе свое получилъ отъ Кирінеи города Африканскаго, въ которомъ родился Аристиппъ основатель сего толка.

Сей Философъ не презиралъ ни богатства, ни роскоши, ни славы, ни женскаго пола, ни людей, ни досто'инствъ. Не ревновалъ ни нищетѣ Антисѳеновой, ни воздержанію Сократову, ниже нечувствительности Діогеновой. Приглашалъ учениковъ своихъ къ наслажденію пріятностьми содружества и веселія жизни, и самъ не отвергалъ оныхъ. Выгодность нравоученія его подала худое мнѣніе о его нравахъ; а почтеніе оказанное въ свѣтѣ ему и его послѣдователямъ возбудило ревность въ другихъ Философахъ: tantae ne animis caeleſtibus

&c. Дружбу, которую онъ имѣлъ съ молодыми своими учениками, толковали въ худую сторону, и о тайномъ его поведеніи разсѣвали такія подозрѣнія, которыя бы теперь гораздо важнѣйшими почтены были, нежели тогда.

Сей родъ Философической нетерпимости принудилъ Аристиппа удалиться изъ Аѳинъ; онъ многократно перемѣнялъ свое жилище, однако вездѣ придержался однихъ начальныхъ правилъ. Въ Егинѣ не стыдился онъ показаться между самыми рачительнѣйшими почитателями Лаиды и на укоризны чинимыя ему за то отвѣтствовалъ: *что онъ можетъ Лаидою обладать не престая быть Философомъ; только бы Лаида не обладала имъ*: и какъ хотѣли огорчить его самолюбіе, говоря, что блудница ему за деньги, а Аѳинэну по любви благосклонность оказываетъ, то онъ сказалъ: *я ее покупаю для своего употребленія, а не для того, чтобъ прелятствовать другому пользоватьсѧ ею.* Каковы бъ ни были сіи краткія тайныя повѣсти, въ которыхъ разумный человѣкъ, опровергая ль или утверждая истину ихъ, всегда будетъ весьма остороженъ; однако я не понимаю, по какому легкомыслію

слїю Сократу обхожденїе съ Аспасїею позволяли, а Аристиппа порицали за то, что имѣлъ дружбу съ Лаидою. Объ сїи женщины были славны своею красотою, разумомъ, остроумїемъ, и распустною жизнїю. Правда, что Сократъ преподавалъ нравоученїе очень строгое, а Аристиппъ былъ весьма любострастный Философъ; но не меньше и то извѣстно, что Философы принимали тогда безъ всякаго сопротивленїя въ свои училища блудницъ, и что народъ не поставлялъ имъ того ни въ малѣйшую вину.

Аристиппъ самъ собою пришелъ ко двору Дїонисїя, гдѣ ему гораздо лучше удалося, нежели Платону, котораго Дїонъ туда пригласилъ. Никто лучше его не умѣлъ примѣняться ко времени, мѣсту и людямъ. Онъ никогда лишенъ не былъ мѣста, ни живучи со славою въ порфирѣ и обращаяся съ государями, ни обучая въ незнатной и простой школѣ. Я не хулю сей непостоянной Философїи, и нахожу при томъ исполненїе ея претрудным, и дарованїя простаго человѣка гораздо превосходящимъ, когда она сопряжена бываетъ съ достоинствомъ. Мнѣ кажется только, что Аристиппъ измѣнилъ Сократу, Дїогену и Платону,

и унизилъ себя весьма не благопристойнымъ образомъ, наводя посмѣяніе на сихъ почтенныхъ мужей предъ праздными и развращенными придворными, которые видя ихъ пониженныхъ злобное ощущали удовольствіе: ибо сіе мнимое уничиженіе утѣшало ихъ нѣсколько въ сущей ихъ малости. И не подлинно ли то весьма презрительная вещь, когда вообразитъ себѣ нѣкоторый родъ Амфитеатра, Философомъ Аристиппомъ воздвигнутаго, на которомъ онъ себя и другихъ училища Сократова Философовъ предаетъ на посмѣяніе, и дѣлаетъ изъ нихъ и изъ самаго себя позоръ Тиранну и его рабамъ.

Однакожъ признаться должно, что въ прочихъ его поступкахъ не усматривается что неблагоразуміе, съ коимъ онъ толь не къ стати оказывалъ къ другимъ толкамъ презрѣніе, какую бы къ тому ни имѣлъ причину. Философія его столько различныхъ видовъ на себя принимала, сколько оныхъ звѣрскій Діонисіевъ нравъ имѣлъ; онъ умѣлъ, смотря по обстоятельствамъ, или презирать его, или усмирять, или преодолѣвать, или удаляться отъ его, употребляя, попеременно осторожность, постоян-

ство, разумъ, свободу, и обольщая всегда государя и его придворныхъ, безъ злоупотребленія своей знатности, безъ униженія своего достоинства, и безъ взаимныхъ обязательствъ заставлялъ почитать добродѣтель, внимать истиннѣ, и дѣлать правосудіе неповинности. Какой бы видъ онъ на себя ни принялъ, всегда видны были у него львиныя кости, Сократова ученика отличающія.

Аристиппъ наипаче въ нравоученіи упражнялся и провождающихъ очень долгое время въ обученіи словесныхъ наукъ сравнивалъ съ Пенелопининными любовниками, которые оставивъ госпожу дома со служанками ея забавлялися. Математическія науки зналъ и высоко ихъ почиталъ. Онъ нѣкогда выброшенъ бурею на неизвѣстный берегъ и усмотря нѣкоторые геометрическіе знаки къ сопутникамъ своимъ сказалъ: *не бойтесъ, други мои, потъ человѣческіе слѣды.* Діалектику особливо почиталъ, а во первыхъ сопряженную съ нравственною Философіею.

Онъ думалъ, что чувствованія наши никогда не могутъ быть ложны; что можно погрѣшить въ естествѣ ихъ при-

чины, но не въ качествахъ и бытіи оныхъ.

Что то, что кажется усматриваемъ мы внѣ себя, можетъ быть и есть нѣчто; но что, мы того не знаемъ.

Что въ умствованіи должно относить все къ чувствованію, а не къ предмѣту, или къ тому, что беремъ за оной.

Что не доказано то, что всѣ мы тѣже самыя дознаваемъ чувствованія, хотя всѣ мы согласны въ словахъ.

Что слѣдовательно въ строгомъ рѣченіи худо заключать отъ себя къ другому, и отъ *себя* въ настоящемъ, къ *себѣ* въ будущемъ времени.

Что между чувствованіями, иныя суть пріятныя, иныя противныя, а иныя среднія.

И что въ опредѣленіи щастія и нещастія все должно относить къ противности и услажденію; ибо сіе только одно дѣйствительно, и всѣ противныя чувствованія почитать зломъ, пріятныя благомъ, а среднія ничемъ, ни мало не смотря на нравственныя оныхъ причины.

Сіи

Сіи начальныя правила служили основаніемъ Киринаической Философіи. А слѣдствія, которыя Киринаики изъ оныхъ выводили преложенныя почти на языкъ нынѣшнихъ нашихъ землемѣровъ, суть сіи.

Всѣ минуты, въ которыя мы ничего не чувствуемъ, суть въ разсужденіи щастія и нещастія, ноль.

Чувства наши въ оцѣненіи щастія нашего и нещастія пріемлютъ одно только веселіе и смущеніе.

Смущеніе отъ смущенія и веселіе отъ веселія разнствуетъ однимъ только продолженіемъ времени и степенью.

Моментъ болѣзни и смущенія есть мгновенное (μονόχρονον) происхожденіе продолженія времени постепенно.

Сокращенія *Моментовъ* смущенія и веселія прошедшаго, дѣлаютъ сходство между нещастіемъ и щастіемъ жизни.

Киринаики утверждали, что въ сокращеніи *Моментовъ* веселія, тѣло споспѣшествуетъ болѣе нежели духъ.

Что не всегда безумный бываетъ не доволенъ своимъ бытіемъ, ниже всегда разумный доволенъ своимъ.

Что

Что наука щастїя состоитъ въ томъ, чтобъ оцѣнить то, что терпимое смущенїе должно произвести веселїе.

Что нѣтъ ничего, чтобы въ себѣ самомъ было смущенїе или веселїе.

Что добродѣтель вожделѣнна токмо по колику она есть или настоящее веселїе, или смущенїе долженствующее принести большее веселїе.

Что злой человѣкъ есть худой промышленикъ, которому приличнѣе давать наставленїе о его пользѣ, нежели наказывать его.

Что нѣтъ ничего, что бы въ самомъ себѣ было справедливое или несправедливое, честное или безчестное.

Что равнымъ образомъ чувствованїе называется *смущенїемъ* или *веселїемъ* токмо, по колику оно привязываетъ насъ къ бытїю или разрѣшаетъ отъ онаго; и что дѣйствїе есть справедливое или несправедливое, честное или безчестное, токмо по колику оно позволено или запрещено обычаемъ, либо закономъ

Что разумный дѣлаетъ все ради себя самаго; ибо самъ онъ есть тотъ, котораго наиболѣе онъ почитаетъ; и что

сколь

сколь бы ни благополученъ былъ, однако не можетъ скрыпь отъ себя того, чпо онъ доспоинъ быпь еще благополучнѣишимъ.

Аристиппъ имѣлъ двоихъ дѣтей, сына недостойнаго себя, копораго опринулъ; и дочь красопою, добронравіемъ, и знаніями своими прославившуюся. Имя ей было *Арета*. Она имѣла сына именемъ *Аристилла*, копораго сама воспипала, и копораго наставленіями своими здѣлала доспойнымъ имени, кое онъ на себѣ носилъ.

Аристиппъ имѣлъ учениками Ѳеодора, Синала, Антипапра и дочь свою Арепу. Арепа обучила сына своего Аристиппа. Антипатръ научилъ *Кирнаическому* мудрованію Епимида; Епимидъ Периватпа, а Периватъ Игисія и Аннисира основавшихъ Игисіаческій и Аннисиріанскій толки къ описанію копорыхъ приступаемъ.

Игисій переименованный Пизиѳанатомъ столь былъ увѣренъ, что быпіе есипь зло: столь чистосердечно предпочипалъ жизни смерпь, и съ такимъ краснорѣчіемъ въ томъ изъяснялся, что многіе его ученики по выходѣ изъ училища умер-

умертвили себя. Правила ученія его были сходны съ правилами Аристипповыми: оба они преподавали нравоученіе; но разныя заключенія изъ онаго вывели. Аристиппъ говорилъ, что все равно житъ или умереть; ибо не можно знать, будутъ ли при концѣ жизни пріятности болѣе, или менѣе смущеній: а Игисій за нужное почиталъ умереть; понеже хотя бы и не можно было доказать, что смущенія при концѣ жизни будутъ болѣе пріятностей, однако сто тысячъ противу одного сыщется такихъ, которые будутъ биться объ закладъ, что сіе случится такъ, и что одинъ только неразумный похочетъ жизнь продолжать. Между тѣмъ Игисій, въ то время, какъ такимъ образомъ говорилъ, самъ жизни своей не прекращалъ.

Ученіе Аннисирово мало чемъ разнствовало отъ Епикурова. Нѣкоторыя только его мнѣнія были весьма странны. Онъ думалъ, на примѣръ: что не должно родителямъ своимъ благодарить за полученную отъ нихъ жизнь; что не худо дѣлать преступленіе ради спасенія отечества; и что съ крайнимъ усердіемъ желать благосостоянія своему другу, не что иное значитъ, какъ опасаться

втайнѣ худыхъ для себя отъ его нещастія слѣдствій.

Ѳеодоръ Аѳеистъ Пирронисмомъ своимъ причинилъ смятеніе и раздѣленіе въ *Киринаическомъ* толкѣ. Соперники его увидѣли, что гораздо удобнѣе отдалить его отъ себя нежели сопротивляться ему; но дѣло шло о томъ, чтобъ сослать его въ такое мѣсто, гдѣ бы онъ ни кому вредить не могъ. По довольномъ о семъ размышленіи сослали его изъ Ливіи въ Аѳины. Судіи Агеопага тотъ часъ приказали бы приготовить для него цикуту, ежели бы Димитрій Фалерейскій не защищалъ его. Не извѣстно, бытія ли божія не признавалъ Ѳеодоръ, или опровергалъ только доказательства объ ономъ; одного ли только бога исповѣдовалъ, или ни какого во все не признавалъ: одно только то извѣстно, что правительства и жрецы не вошли въ сіи тонкія различенія; что правительства признали оныя возмущающими общежитіе, а жрецы разрушающими ихъ олтари; и что оныя Ѳеодору и нѣкоторымъ другимъ стоили жизни.

Ѳеодору весьма отважныя, да не болѣе что скажемъ, приписывали мнѣ-

ія.

нія. Говорятъ, аки бы онъ утверждалъ, что разумный человѣкъ не долженъ ради спасенія отечества вдаваться въ опасность: ибо умному за дураковъ погибать не слѣдуетъ; что нѣтъ ничего въ себѣ самомъ ни праведнаго, ни безчестнаго; что разумный можетъ при случаѣ быть воромъ, святотатцомъ, прелюбодѣемъ, и что онъ не устыдится никогда познать блудницу предъ народомъ. Однако ученый и благоразумный брюкгеръ все сіе называетъ клеветою, и ни что болѣе не прославляетъ добраго его сердца, какъ почтеніе къ памяти древнихъ Философовъ имъ оказуемое; ниже его разума, какъ то тщаніе, съ коимъ онъ защищаетъ ихъ. И подлинно не весьма ли вредно роду человѣческому и Философіи увѣряпіь народъ, что наилучшіе въ древности умы бытіе божіе признавали за предразсужденіе, а добродѣтель за пустое только имя!

Кириакъ Ивимиръ былъ такъ же изъ числа тѣхъ, которыхъ языческіе жрецы обвиняли въ нечестіи; ибо онъ указалъ мѣста на земли, гдѣ боги ихъ погребены.

Віонъ Борисѳенитъ почитался мужемъ превосходнаго разума, но весьма подо-

подозрительнымъ въ разсужденіи благочестія. Учась у Критиша былъ онъ Кириникомъ, у Ѳеодора *Киринаикомъ*, у Ѳеофраста *Перипатитикомъ*, а на послѣдокъ выбравъ изъ сихъ толковъ то, что было въ нихъ лучшее, не придержался ни одного. Онъ имѣлъ постоянство Антисѳеново, вѣжливость Аристиппову, діалектику Сократову. Родился отъ самыхъ низкихъ родителей; чего и не скрывалъ. На него клеветали, будто бы онъ воздержаніе Сократово въ разсужденіи Алкивіада называлъ глупостію; но чтобъ узнать, сколь много соблазнительнымъ симъ и другимъ такогожъ содержанія тайнымъ повѣстямъ вѣрить должно, то надлежитъ токмо справиться съ вышепомянутымъ нами писателемъ. Языческіе жрецы не могли снести, что бъ почитали добродѣтельными пѣхъ, которые во времена ихъ были непреоборимы. Они или порицали ихъ какъ за злодѣянія, за пѣ самыя слабости, которыя себѣ прощали; или порочили образъ ихъ умствованія, хотя сами съ благоговѣйнѣйшими своими мнѣніями не лучше ихъ поступали; или безстыдно клеветали на нихъ, будучи принуждены прибѣгнуть къ сему послѣднему средству. *Всѣми силами уничтожать слапу сихъ кощарныхъ людей,*

людей, говорили они, *есть всегдашнее изъявленїе боголочитанїя.*

Такїе были первѣйшїе *Киринаическїе Философы.* Сей толкъ не долгое время пребывалъ. Да и какъ можно было ему продолжаться? Онъ не имѣлъ въ Греціи училища; раздѣленъ былъ въ Ливїи; подозрѣваемъ въ безбожїи отъ жрецовъ, оклеветаемъ въ растлѣнїи отъ другихъ Философовъ, и гонимъ правительствами. Для него потребно было совокупленїе качествъ, которыя столь рѣдко въ одной находятся особѣ такъ, что никогда ни кого не было, кромѣ основателя онаго, кто бы имѣлъ всѣ оныя вкупѣ; и сей толкъ подкрѣпляемъ былъ нѣкоторыми только стоическими переметчиками, которыхъ болѣзнь вывела изъ безпристрастїя. *Смотри Брук. Станл. исторїю о Философїи.*

Bayerische Staatsbibliothek München

BSB Bayerische StaatsBibliothek
MDZ Münchener DigitalisierungsZentrum Digitale Bibliothek

Diderot, Denis, 1713-1784 / Diderot, Denis, / Kostenskij, Jakop

Statí o filosofičeskich tolkach, iz Enkiklopedii

V Sanktpeterburgè 1774
Ph.u. 643 h-1/2#Beibd.1
urn:nbn:de:bvb:12-bsb10047597-0